

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2002 г.

ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: www.mpgu.rf,
см. раздел «Издание МПГУ»
E-mail: rhema.pema@gmail.com

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

1.2017

THE FOUNDER:

Moscow State
University
of Education

The journal has been published
since 2002

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

The journal is published 4 times a year

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be
accessed via: www.mpiyu.pf

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора, заведующая рубрикой литературоведения

Татьяна Юрьевна Журавлева – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета.

Заведующая рубрикой лингвистики

Екатерина Анатольевна Лютикова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Илона Кишш – PhD (филология); публицист, переводчик, эксперт ЮНЕСКО, главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, эксперт по русской культуре издательств «Европа», «Магвето», «Типотекс», г. Будапешт, Венгрия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института философии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Павел Лавринцев – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор перевода (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Таллиннского университета, Эстония.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – кандидат филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Клара Эрновна Штайн – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Deputy chief editor, head of the section of textual criticism

Tatiana Yu. Zhuravleva – PhD in Philology; associate professor of the Department of Russian Literature, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education.

Head of the section of linguistics

Ekaterina A. Lyutikova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – PhD in Philology; assistant professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab., professor at the Chair of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow State University of Education.

Aleksandr Feduta – PhD in Philology; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab; professor of ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Iлона Kiss – PhD in Philology; publicist, translator, UNESCO expert, chief editor of the «Russian Quarter Journal» of Budapest Eötvös Loránd University, expert on the Russian culture of Hungarian publishing houses «Europe», «Magveto» and «Tipoteks», Budapest, Hungary.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; Associate Professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, The University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor of the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab., senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore»; senior research fellow at the School of Humanities, Tallinn University, Estonia.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab, professor full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the sector of typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor of the Department of Bulgarian, research fellow of the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, The Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor of the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Klara E. Shtayn – Dr. Phil. Hab., full professor; professor at the chair of the Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab, full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil.Hab, professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab, full professor; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor and leading research fellow of the Institute of Philosophy and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ю.А. Дзиццойты
Осетинское *тодо* 'сосна' в топонимии Южной Осетии 9

М.Ю. Князев
Исследование «слабого» грамматического ограничения
методами экспериментального синтаксиса: пример
придаточных с союзом *что* в функции сентенциального
актанта существительного 22

М.В. Кюсева
Жесты формы и размера в русском жестовом языке 41

А.С. Лаврентьева
Десакрализация образов святых в испанском фольклоре 61

И.В. Фуфаева
Сосуля, дева, сыроега. Сдвиги коннотаций архаизмов
на примере русских слов, вытесненных диминутивами 80

МЕТОДИКА

А.В. Тучинский
Технология обучения устному последовательному
переводу безэквивалентной лексики французского языка
в контексте реализации идей диалога культур 94

LINGUISTICS

Ju.A. Dzitstsoyi

The Ossetian *moqo* 'pine' in the toponymy of South Ossetia 9

M.Yu. Knyazev

Studying a weak grammatical violation with experimental
syntax methods: the case of sentential complements
of nouns with the complementizer *čto* 23

M.V. Kyuseva

Size and Shape Specifiers in Russian Sign Language 41

A.S. Lavrentyeva

The desacralization of saints as a result of the peculiarities
of the functioning of the hagioanthroponyms
in the Spanish folklore 61

I.V. Fufaeva

Sosulja, deva, syroega. Shifts in connotations:
a case study of Russian lexems, replaced by diminutives 80

METHOD OF TEACHING

A.V. Tuchynski

Technology of oral consecutive translation teaching
of untranslatable French lexical units in the context
of the dialogue of cultures ideas 95

Ю.А. Дзиццойты

Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова,
100001 г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

Осетинское *moqo* 'сосна' в топонимии Южной Осетии

В статье на основе полевых записей автора впервые описывается осетинское диалектное слово *moqo* 'сосна', оставившее след и в топонимии Южной Осетии. Рассмотрены вопросы происхождения этого термина и его соотношения с общеосетинским термином для 'сосны' – *næzy*.

Ключевые слова: диалекты осетинского языка, топонимия, этимология, 'сосна', 'ель'.

Ju.A. Dzitssoyti

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov
Tskhinval 100001, South Ossetia

The Ossetian *moqo* 'pine' in the toponymy of South Ossetia

On the basis of the materials that the author has gathered during the linguistic expeditions dialectal ossetian word *moqo* 'pine', that has its traces also in South Ossetian toponymy is described in this article for the first time. Questions of the origin and the correlation of this word with common ossetian term for 'pine' – *næzy* are considered here as well.

Key words: dialects of Ossetic, toponymy, etymology, 'pine', 'fir-tree'.

Топонимия любого края является хранильницей архаичной и диалектной лексики. В настоящей статье рассматривается лексема *moqo* 'сосна', практически вышедшая из употребления и плохо описанная

словарями осетинского языка. Автор этих строк заинтересовался значением и происхождением этого слова, только столкнувшись с ним в ходе сбора материалов по топонимии Южной Осетии. Как оказалось, слово *moqo* многозначно, а его история хранит ценную информацию о сложении югоосетинских наречий.

Начнем с географических названий, опубликованных нами в «Топонимии Южной Осетии» [ТЮО].

Несмотря на наличие термина *moqo* во всех диалектах и говорах Южной Осетии, в топонимии края он представлен только в центральной его части – в долине реки *Styr Lewaxi* ‘Большая Лиахва’. Сюда относятся такие названия, как *Moqoʒy fæstæ* ‘За сосной’ [Там же, т. I, с. 130], *Moqoʒyn* ‘(Местность,) поросшая сосной / обильная сосной’, ‘сосняк’ (9 топонимов) [Там же, т. I, с. 234; Там же, т. II, с. 221], *Moqoʒyny qæd* ‘Сосновый лес’ [Там же, с. 221–222].

По свидетельству наших информантов, в каждом из этих топонимов слово *moqo* означает именно ‘сосна’. Факт отсутствия топонимов на основу *moqo* в других регионах Южной Осетии при наличии сосны практически по всей горной зоне края наши информанты объясняют тем, что в этих лесах сосна не является доминирующим видом, тогда как в лесных массивах долины Большой Лиахвы она занимает доминирующее положение. Данное утверждение неточно: в Южной Осетии существуют лесные массивы с преобладанием сосны, но носят они названия на совершенно другую основу – *næzy* ‘сосна’. Более того, как показывают наши подсчеты, топонимов на последнюю основу намного больше, чем на основу *moqo*. Это такие названия, как *Næzyʒyn* ‘Сосняк’ (28 топонимов), *Næzyʒyntæ*, букв. ‘Сосняки’, *Næzytæ* ‘Сосны’ (3 топонима), *Næzywat* ‘Место, где был сосновый лес’, *Næzyʒyny qæd* ‘Сосновый лес’ (2 топонима), *Næzy qæd* ‘Сосняк’ (2 топонима), *Næzyʒy byn* ‘Ниже сосны’, *Næzyty rağ* ‘Сосновый хребет’ и т.д. и т.п.

Среди югоосетинских топонимов на основу *næzy* встречается один, отмеченный чертой древности, – это *Næziwy žwar* ‘Святылище Назив’ [Там же, с. 510], где компонент *Næziw* представляет собой сложение из основы *næzy* ‘сосна’¹ и непродуктивного суффикса *-iw*, представленного также в таких топонимах, как *Qæriw*, *C’æzziw* и пр. [ТЮО, т. I, с. 297–298]. Крайне интересно, что топонимы на основу *næzy* встречаются и в долине реки Большой Лиахвы – это *Næzyʒyn* [Там же, с. 100, 258, 267], *Næzytæ* [ТЮО, т. II, с. 222, 344] и т.д. При этом один из топонимов – *Næzyʒyn* ‘Сосняк’ – является названием луга, а не леса [Там же, т. I, с. 258], что также указывает на древность данного названия.

¹ По утверждению наших информантов, рассматриваемое святилище в материальном плане представляет собой группу огромных сосен.

Таким образом, распределение основ *moqo* ‘сосна’ и *pæzy* ‘сосна’ в топонимии Южной Осетии не подчинено географическому распространению их общего денотата. В то же время, по сообщению практически всех наших информантов, *moqo* и *pæzy* – это «одно и то же» (*iw sty*), т.е. являются абсолютными синонимами¹. При этом *pæzy* – слово общеосетинское, а *moqo* – диалектизм.

В топонимии Северной Осетии основа *moqo* не представлена. Все лесные массивы с преобладанием сосны носят здесь, как и на большей части территории Южной Осетии, названия на основу *pæzy*. Приводим практически полный список соответствующих североосетинских топонимов: *Næzy adag* ‘Сосновый овраг’ [Цагаева, 1975, с. 10], *Næzyty kom* ‘Сосновое ущелье’ [Там же, с. 62, 67], *Næzyty kuvændon* ‘Святылище в сосновом (ущелье)’ [Там же, с. 116], *Næzyžyn / Næzigin / Næzigin* ‘Обильный соснами’, ‘Сосняк’ [Там же, с. 187, 349, 350, 428], *Næzy baz* ‘Сосновое возвышение’ [Там же, с. 249], *Næzify fæz* ‘Сосновая равнина’ [Там же, с. 249], *Næzi rağ* ‘Сосновый хребет’ [Там же, с. 319], *Næziti sær* ‘Выше сосен’ [Там же, с. 350].

Сравнивая этот список со списком югоосетинских топонимов с основой *pæzy*, необходимо отметить следующее. Во-первых, в Южной Осетии в десятки раз больше названий на *pæzy*, что, возможно, объясняется значительно большей распространенностью самого вида в Южной Осетии. Во-вторых, в обеих частях Осетии большинство топонимов на *pæzy* оформлено суффиксом *-žyn (-gin)*, что свидетельствует об общих словообразовательных моделях на юге и севере в период сложения топонимии Осетии. К этому же выводу приводит анализ топонимов, исходящих на показатель множественного числа *-tæ*. Форма *Næzytæ*, букв. «сосны», а также и производные от нее, имеет значение не «две-три сосны», и не «группа сосен», а «сосновый бор», «сосновый лес». Однако словообразовательная модель «название растения + суффикс мн.ч. *-tæ*» в целом не свойственна топонимии Осетии. Едва ли не единственными исключениями являются следующие топонимы: *Sylylžty byn* ‘Ниже карагачевой рощи’ [ТОО, т. I, с. 121], *Tulžty byn* ‘Ниже дубовой рощи’ [Там же, т. II, с. 83] и некоторые другие. На этом фоне семь топонимов на «*pæzy* + *-tæ*» по всей Осетии выглядят довольно многочисленно, свидетельствуя, возможно, об особой роли сосны у предков осетин. Наконец, в-третьих, как в Южной, так и в Северной Осетии у топонимов на основу *pæzy* имеются специфические черты архаичности. Помимо

¹ Те немногие наши информанты, которые разделяют *moqo* и *pæzy*, не могли их идентифицировать. По сообщению одного из них (Хуыгаты Анат’оли, сел. Хæрдысæр), концы лап у *moqo* загнуты вверх, а у *pæzy* – наоборот, опущены вниз. Таким образом, первое из них, скорее всего, соответствует ‘сосне’, а второе – ‘ели’.

отмеченных выше особенностей, следует указать еще и на дигорскую форму *naēzi* ‘сосна’ в составе одного из топонимов. Она, как позволяет полагать этимология данного слова, является исходной по отношению к двум другим формам – *naēzy/naēzi*. На этой форме следует остановиться подробнее, т.к. она не совсем обычна.

По мнению В.И. Абаева, осетинское *naēzy/naēzi* ‘сосна’ вместе с осет. *naz/nazu* ‘ель’ предположительно восходит к древнеиранскому **naču-/načvi-* [Абаев, 1973, с. 177–178]. Эта позиция, поддержанная Д.И. Эдельман [Эдельман, 2015, с. 508]¹, не является общепризнанной. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, а также Дж. Чёнг считают осетинское слово заимствованием из грузинского *nažvi* ‘ель’ [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. II, с. 634; Чёнг, 2008, с. 69]². Грузинское *nažvi* вместе с армянским *pōč/noč’i* ‘кипарис’ вначале было признано заимствованием из западноиранских языков [Андроникашвили, 1966, с. 347–348]. Показательно, что Г.А. Климов не включил груз. *nažvi* в свой «Этимологический словарь картвельских языков» [Климов, 1964], однако впоследствии реконструировал пракартвельский (а также – прагрузинско-занский) этимон **nazw-* ‘ель’, куда отнес, помимо грузинского *nažvi*, мегрельское *nuzu/nuzi* и сванское *nezwra* ‘ель, сосна (женского пола)’. В качестве заимствований сюда отнесены еще и осет. *naz/nazu* ‘ель’, *naēzy/naēzi* ‘сосна’, бацбийское *пазв* ‘ель’, удинское *пазв* ‘ель’ [Климов, 1985, с. 172; СКЯ, с. 213], а также все западноиранские формы этого слова [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. II, с. 634–635] и ингушское *naž* ‘дуб’ [Генко, 1930, с. 741], хотя для последнего из них в настоящее время реконструирован прасеверокавказский этимон **nǝčē*, откуда пранахское **nač* [Nikolayev, Starostin, 1994, с. 803].

Нам трудно судить о достоверности пракартвельской реконструкции, но если осетинское слово действительно заимствовано из картвельской формы, то априори правдоподобно заимствование североосетинских (иронской и дигорской) форм не непосредственно из грузинской, а из югоосетинской (кударской) формы. Об этом говорят как экстралингвистические, так и лингвистические данные. Во-первых, Южная Осетия находится между Грузией и Северной Осетией, поэтому она вполне могла быть передаточным звеном в цепи заимствований из грузинского. Во-вторых, спирантизация *z > ž* в иронском диалекте осетинского языка явление довольно позднее: она свершилась во второй

¹ Следует при этом отметить, что в праиранском языке-основе не было названия ни для «сосны», ни для «ели» [Эдельман, 2009, с. 63–66, 168–173].

² Осетинское *naēzy* с грузинским *nažvi* впервые сопоставил А.Н. Генко [1930, с. 741].

половине XIX – начале XX вв. Все иронские формы со спирантом *z* в словарях осетинского языка представлены со свистящей аффрикатой *ʒ*. Если бы иронские *naz* ‘ель’, *næzu* ‘сосна’ происходили непосредственно из грузинского *naʒvi* ‘ель’, то в словарях осетинского языка были бы представлены в форме **naz* ‘ель’, **næzu* ‘сосна’. Между тем, в самом раннем из словарей осетинского языка находим *næzi/næži* ‘сосна’ [Шёгрэн, 1844, т. II, с. 105, 277]. Это говорит о том, что формы *naz*, *næzu* в иронский диалект осетинского языка были заимствованы со спирантами.

Единственный пример ранней спирализации свистящей аффрикаты в иронском диалекте – общеосетинское *raz* ‘перёд’ – недавно поставлен под сомнение. В.И. Абаев возводил осет. *raz* к древнеиранскому **frāč-*, не оговарив возникающие серьезные фонетические трудности [Абаев, 1973, с. 341, 354; принято: Расторгуева, Эдельман, 2007, с. 56–57]. Однако древнеиранское поствокальное **č* в осетинском языке регулярно отражается в виде *ʒ*. Следовательно, из др.-иран. **frāč-* в осетинском ожидали бы **raz*, а не *raz*. Причина спирализации свистящей аффрикаты не ясна. Имея в виду эту трудность, Дж. Чёнг выводит осет. *raz* из формы им.п. ед.ч. **frānš* того же иранского слова, предположив раннюю утрату носового и озвончение конечного *-š* [Чёнг, 2008, с. 303–304]. Эта позиция представляется нам более правдоподобной, что лишает аналогии пример **naz > naz*.

В то же время, в ранних заимствованиях из других языков, содержащих спирант *z*, последний в осетинском языке не подвергается аффрикатизации. Так, общеосетинское *razy/arazi* ‘согласный, довольный’ из арабско-персидского *rāzī* [Абаев, 1973, с. 358] сохранило свой спирант. Это означает, что и слово *naz*, *næzu* могло проникнуть в осетинский (иронский) со спирантом. А раз так, то в качестве посредника приходится искать язык (или диалект), для которого субституция *ʒ > z* является нормой.

Таким посредником мог быть кударский диалект осетинского языка, не знающий свистящих аффрикат и подвергающий фонему *ʒ* языка-донора субституции *z*. Так, ойконим *Sa-zel-et* в Южной Осетии [ТЮО, т. I, с. 289–290], несомненно, восходит к груз. *zeli* ‘брус; дерево’, осложненному грузинскими аффиксами *sa-* и *-et-*. Ойконим *Zarc'em* восходит к параллельно употребляемой грузинской форме *Zarc'emi* [Там же, т. II, с. 281]. Даже в недавних заимствованиях из иронского диалекта, содержащих свистящую аффрикату, находим ту же самую субституцию. Так, фамильное имя *Zæyojtae* ‘Дзагоевы’ в Южной Осетии превратилось в *Zæyojtae*, и в этом спирализованном виде вернулось в Северную

Осетию. Следовательно, и иронские *naz*, *næzu* могли пройти через кударское посредство.

Что касается дигорской формы *næzi*-, то она, учитывая дигорско-грузинские (дигорско-рачинские) прямые контакты, может восходить непосредственно к грузинской *nazvi* ‘ель’.

В анализируемом слове представляют интерес и некоторые другие особенности. Расщепление первоначального значения ‘ель’ на два самостоятельных значения – ‘ель’ ~ ‘сосна’, сопряженное с фонетической дифференциацией архетипа (*naz* ~ *næzu*), присуще всем диалектам и говорам осетинского языка, что свидетельствует о едином источнике этих инноваций. О солидном возрасте данных преобразований свидетельствует и карачаево-балкарский язык, в котором в качестве заимствования из аланского субстрата находим, с одной стороны, *næzæ* ‘ель; ёлка’ [РКБС, с. 159], а с другой – *naz* ‘пихта’ [Там же, с. 419].

Возникает вопрос: если лексемы *naz* ‘ель’ и *næzu* ‘сосна’ возникли на югоосетинской почве, то как они соотносились с югоосетинским *moqo* ‘сосна’, и в чем заключалась необходимость заимствования нового слова в значении ‘сосна’?

Тут перед нами нет ясной картины. Но можно высказать предположение, что лексема *naz/næzu* была заимствована в осетинский язык в значении ‘ель’, но затем распространилась на какую-то разновидность ‘сосны’, а потом уже стала обобщающим названием всех разновидностей ‘сосны’, вытеснив в этом значении лексему *moqo* ‘сосна’. Причем, в апеллятивной лексике *moqo* и *næzu* являются, можно сказать, абсолютными синонимами (об этом – выше), однако слово *moqo* в значении ‘сосна’ имеет дополнительную коннотацию – ‘мощное, стройное, высокое дерево’, отсутствующее у *næzu*. Именно по этой причине слово *moqo* в Южной Осетии употребляется в качестве прозвища высоких, стройных, плотно сложенных мужчин (автору этих строк известен некий *Moqo* из фамилии *Kokojtæ*), тогда как употребление в этом же значении слова *næzu* совершенно исключено. Об этом же свидетельствуют слова осетинской народной песни:

Fyngtæ samadtaj
Syğdæg moqotæj

<...>

Fynddæs ramardtaj
Syğdæg bulk'ontæj

[ИАС, т. I, с. 527]

«Вытесал столы / из настоящей (букв. чистой) сосны¹, / пятнадцать убил / одних только (букв. чистых) полковников»². То есть герой этой песни – *Puxaty Ilik'o* – столы вытесал из самого крепкого дерева, а в бою убил пятнадцать самых сильных и именитых противников.

Кроме того, слово *тодо* многозначно. Часть значений, помимо основного значения ‘сосна’, зафиксирована нами. Но, прежде чем перейти к их изложению, следует упомянуть имеющиеся опыты лексикографического описания рассматриваемого слова.

В глоссарии, составленном к языку сборника устного народного творчества осетин, слово *тодо*, упомянутое в цитированной песне, толкуется так: «Мохъо – хъæды мыггаг» [ИАС, т. II, с. 650] («Мохо – разновидность дерева»). В переводе этой же песни у В.И. Абаева интересующее нас слово фактически оставлено без перевода: «Вытесали столы из чистого (дерева) *тодо*» [Абаев, 1958, с. 49]. В «Осетинско-русско-немецком словаре» В.Ф. Миллера слово *тодо* подано от имени редактора А.А. Фреймана, собиравшего лексический материал также и в Южной Осетии: «*Мóдо (?) ‘назв[ание] одного грибовидного растения’ <...> Моqохог! ‘едающий «тодо»’ (насмешка)» [Миллер, 1929, с. 823]. В вышедшем недавно «Дигорско-русском словаре» читаем: «*мохъо* ‘низкорослое кустарниковое дерево из семейства пихтовых (растет в горах)’» [ДУД, с. 376]. В небольшом глоссарии, помещенном в газете «Рæстдзинад», *мохъо* дано в качестве слова, бытующего на ограниченной территории горной зоны Алагирского ущелья Северной Осетии, и только в значении ‘еловая шишка’ (Рæстдзинад. 2007. № 130).

Как видим, среди лексикографов нет единодушия в отношении значений слова *тодо*, а значение ‘сосна’ и вовсе не зафиксировано. Однако кроме этого значения, нами зафиксированы еще и следующие:

1) «мохъобæласы къалиуы æнгæс чи у, ахæм кæрдæг, зайы цыф-жастыты, хонынч ма йæ *чъаобийы мохъо*, уырыссагау – ‘хвощ’», т.е. «трава, на вид похожая на ветку дерева *тодо*, иначе называемая “*тодо*, растущая на заболоченных участках”, а по-русски – ‘хвощ’» (информант Джоты Раисæ, сел. Тыбылты хъæу);

2) «бæласы цъæх хъуына», т.е. ‘древесный мох’ (город Къуайса);

3) «чъымара доны цъæх хъуынатæ», т.е. «зеленая плесень на заболоченной воде», ‘ряска’.

Как соотносятся эти значения с основным – ‘сосна’? Начнем с того, что значение ‘сосна’ – общеюгоосетинское, т.е. помимо основного,

¹ Один из наших информантов, Plity Gasug (сел. Ruk’), утверждает, что *тодо* неохотно используется в качестве строительного материала ввиду особой плотности ее древесины. Однако в литературе отмечено противоположное мнение [Айларты, 2012, с. 8].

² Ср. перевод В.И. Абаева [Абаев, 1958, с. 49, 270].

кударского, диалекта оно известно цалагомскому (рукскому) и чисанскому говорам иронского диалекта. Переносные значения в этих говорах нами не зафиксированы. Следовательно, значение ‘сосна’ у рассматриваемого слова, поддерживаемое и данными топонимии Южной Осетии, первично, а все остальные значения вторичны. Что касается значения ‘грибовидное растение’, зафиксированное А.А. Фрейманом, то это, скорее всего, результат неверно понятого значения ‘древесный мох’. Во всяком случае, наш специальный опрос не выявил ничего похожего на «гриб» среди значений этого слова. Значение ‘еловая шишка’ может свидетельствовать о том, что в прошлом *moqo* означало не только ‘сосна’, но и ‘ель’. Эволюцию в сторону значения ‘дерево из семейства пихтовых’ в дигорском диалекте вполне можно объяснить аналогией на тюркской почве – как было сказано выше, осетинское (аланское) *naz* ‘ель’ в карачаево-балкарском языке отразилось в виде *naz* ‘пихта’.

В настоящее время в диалектах Южной Осетии различаются названия следующих хвойных: *moqo* ‘сосна’, *č’iwnaz* ‘ель; смолистая ель’, *naɣzu* ‘сосна; ель’, *soc’i* ‘пихта’ и *pič’i* ‘пихта’. В иронских говорах Северной Осетии им соответствуют: *naz* ‘ель’, *č’iwnaz* ‘смолистая ель’ (разновидность ели) [Абаев, 1973, с. 163] и *naɣzu* ‘сосна’ [Там же, с. 177]. Отсутствие лексемы *moqo* ‘сосна’ в иронских говорах Северной Осетии коррелирует с фактом отсутствия в топонимии Северной Осетии названий на *moqo*. В то же время в горной зоне Северной Осетии интересующая нас лексема представлена в значениях, примыкающих к исходному ‘сосна’. Все это говорит о продвижении лексемы *moqo* с юга Осетии на ее север в очень далекие времена, проделав путь, который впоследствии «повторила» близкая по значению лексема *naz*, *naɣzu*. Дополнительные сведения культурно-исторического характера можно извлечь из этимологии лексемы *moqo*.

Фонетический облик осетинского *moqo* свидетельствует об его заимствовании. В частности, корневая *-o-* в исконно осетинской (иранской) лексике уместна в позиции перед носовым, а во всех остальных позициях она обычно свидетельствует о заимствованном характере соответствующей лексемы. Незаконмерным является и соответствие иронско-кударского *-o-* дигорскому *-o-*. В исконно иранской лексике дигорскому *-o-* отвечает иронско-кударское *-u-*.

Мы полагаем, что осет. *moqo* ‘сосна’ так или иначе связано с названием дуба в дагестанских языках [ТЮО, т. II, с. 221–222]. Учитывая, что ауслатная *-o* в осетинском может восходить к сочетанию **-wā¹*,

¹ Ср. осет. *-qo* из адыгского (кабардинского) *qwa* ‘сын’ в таких антропонимах, как *Soɣu-ryqo*, *Daɣsɣo* и пр.

этимон осетинского слова можно восстановить в виде **moqwǎ*. Далее, учитывая надежно установленные случаи умлаута в осетинском языке [Чѣнг, 2008, с. 172–180], этимон осетинского *moqo* можно восстановить и в виде **maqwǎ*. Обе эти реконструкции подводят нас к прасеверокавказскому **m̥hoǝ-we* ‘дуб’, откуда идет пралезгинское **maql^wa* (> табасаранское *maql^w*, лезгинское *meɣ^w*, рутульское *maɣl^w*, цахурское *moql^l*, гельмецкое (диалект цахурского) *maql^wa*) и пр. [Nikolayev, Starostin, 1994, с. 803], ср.: [Старостин, 1988, с. 124]. Осетинское слово является продолжением одной из этих форм, хотя конкретный источник заимствования трудно указать ввиду недостаточной изученности осетинских заимствований из дагестанских языков. Лишь недавно появились работы О.А. Мудрака по кавказским (прежде всего – прадаггинским) элементам в осетинском языке, включающие анализ даггинско-осетинских фонетических соответствий [Мудрак, 2014; Мудрак, 2016а, с. 85–94; Мудрак, 2016б].

Отталкиваясь от соответствий, установленных О.А. Мудраком, предложенное нами сближение осетинского *moqo* с дагестанским материалом приходится несколько скорректировать. В частности, даггинская увулярная смычная в осетинских заимствованиях отражается двояко:

- 1) даггинская *q* – в виде *k-*, *g-l*, *-k-*, *-g-*, *-gl-*, *-r / bɣ-*, *-χ#*;
- 2) даггинская неполносмычная *q* – в виде *χ-*, *k/g-l-*, *-g(-)-*, *-g(-) / -mχ-*, *-rχ-* [Мудрак, 2016а, с. 87].

В нашем же случае увулярная смычная языка-донора сохранена. О чем это может говорить?

Позиция О.А. Мудрака в целом отвечает представлениям осетиноведов о позднем появлении увулярной смычной *q* в осетинском языке [Абаев, 1949, с. 25, 377; Цаболов, т. II, с. 137, 147]. Автор этих строк также указывал на данное обстоятельство в связи с анализом некоторых топонимов Южной Осетии [ТЮО, т. I, с. 493–494]. Однако, как видно, например, из древнегрузинского *qven-* (*qwn-*) в *da-qven-a* ‘постричь’, ‘побрить’, а также из груз. *qvin-i* ‘волос’, считающихся заимствованиями из аланского *qwuɳ* ‘волос’ [Андроникашвили, 1966, с. 70, 127–128; Абаев, 1973, с. 327], увулярная смычная *q* существовала в осетинском языке уже в аланское время. В качестве непосредственного источника заимствования грузинского слова следует предполагать не иронский диалект, как считает М.К. Андроникашвили, а кударский. Следовательно, в каких-то говорах древней Южной Осетии увулярная смычная *q* бытовала задолго до того времени, когда под влиянием северотюркских языков она проникла в большинство говоров Северной Осетии. Логичнее предположить, что в говоры Южной Осетии фонема *q* вошла не из тюркских языков (через североосетинское посредство),

а из кавказского субстрата, который, скорее всего, состоял как из вайнахских языков (так думают некоторые ученые, обзор литературы см. в [ТЮО, т. I, с. 38–41]), так и из дагестанских. В конечном итоге наша позиция сводится к следующему допущению: увулярная смычная *q* проникла в осетинский язык в весьма отдаленное время вместе с заимствованиями из кавказских языков, а под влиянием тюркских языков эта фонема распространилась и на исконно иранскую часть осетинской лексики.

Существует еще одна возможность объяснения происхождения слова *тодо*. Изолированное на картвельской почве грузинское *тиха* ‘дуб’ идет из указанного дагестанского источника [Климов, Халилов, 2003, с. 213]. В древнегрузинском языке различались фарингальная аспирата (фарингальный абруптив) *q* и увулярная смычная (абруптивная) *q*. Первая из них к концу древнегрузинского языкового периода перешла в *х*. Это позволяет реконструировать древнегрузинский этимон в виде **тиqa*. Но и данная реконструкция не является безупречным источником осетинского слова. Во-первых, осет. *тодо* предполагает на конце сочетание *-wa* (см. выше). Во-вторых, осет. *-u-* представляет собой результат довольно позднего (в пределах XVIII в.) сужения аланского **-o-*, поэтому причина его вторичного «расширения» остается неясной. И, наконец, древнегрузинское посредство не снимает вопроса о происхождении фонемы *q* в осетинском слове.

Таким образом, связь с дагестанским материалом остается наиболее предпочтительной для осетинского слова. И хотя конкретные пути продвижения из дагестанских языков в осетинский нам не ясны, обращает на себя внимание отсутствие правосточнокавказского **mħoq̣-we* ‘дуб’ на вайнахской почве. Это исключает возможность заимствования рассматриваемой лексики из вайнахского источника или через его посредство. Если верна гипотеза о наличии в кавказском субстрате осетинского языка дагестанских элементов, то следует обратить внимание еще на один топоним из горной зоны Осетии, который мы пытались объяснить из дагестанского: ороним *Res*, возможно, связан с андийским *reša* ‘лес’ [ТЮО, т. I, с. 77]. Не исключено, что более тщательное исследование топонимии Осетии выявит наличие и других дагестанизмов, что позволит точнее определить пути их проникновения в осетинский язык.

Остается добавить, что перенос значения ‘дуб’ > ‘сосна’ ~ ‘ель’ не является спецификой осетинского языка. Латинское *quercus* ‘дуб’ (< **perkʷu-*) родственно древневерхненемецкому *furha* ‘сосна’, ‘ель’ [Buck, 1949, с. 529, 530] ср.: [Шрадер, 1913, с. 200; Кретов, 2000, с. 71, 75], а древневерхненемецкое *tanna* ‘ель’ и родственные предположительно восходят к прагерманской основе со значением ‘дуб’ [Buck, 1949, с. 531].

Библиографический список / References

Абаев, 1949 – Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949. [Abaev V.I. Osetinskii yazyk i fol'klor [Ossetian Language and Folklore]. T. I. Moscow; Leningrad, 1949.]

Абаев, 1958 – Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958. [Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. I. Moscow; Leningrad, 1958.]

Абаев, 1973 – Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973. [Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. II. Leningrad, 1973.]

Айларты, 2012 – Айларты И. Ирон фарн. Дзæуджыхъæу, 2012. [Ailarty I. Iron farn [Ossetian farn]. Vladikavkaz, 2012.]

Андроникашвили, 1966 – Андроникашвили М.К. Наркъевеби иранул-картули енобриви уртиертобидан. Т. I. Тбилиси, 1966. [Andronik'ashvili M.K. Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Studies in Iranian-Georgian Linguistic Contacts]. T. I. Tbilisi, 1966.]

Гамкрелидзе, Иванов, 1984 – Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984. [Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach. Vs. Indoevropeskii yazyk i indoevropetsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury [Indo-European and the Indo-Europeans. A reconstruction and historical typological analysis of a protolanguage and a proto-culture]. T. I–II. Tbilisi, 1984.]

Генко, 1930 – Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т. V. Л., 1930. С. 681–761. [Genko A.N. Iz kul'turnogo proshlogo ingushei [From cultural past of Ingushs]. *Zapiski Kollegii vostokovedov*. T. V. Leningrad, 1930. Pp. 681–761.]

ДУД – Дигорон-уруссаг дзурдуат / Дигорско-русский словарь / Сост. Таказов Ф.М. Дзæуæгигъæу, 2003. [Digoron-urussag dzurduat. Digorsko-russkii slovar' [Digor-Russian Dictionary]. Takazov F.M. (ed.). Vladikavkaz, 2003.]

ИАС – Ирон адæмы сфæлддыстæд. Т. I, II. Дзæуджыхъæу, 1961 [Iron adæmy sfældystad [Ossetian Folklore]. T. I, II. Vladikavkaz, 1961.]

Климов, 1964 – Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. [Klimov G.A. Etimologicheskii slovar' kartvel'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Kartvelian Languages]. Moscow, 1964.]

Климов, 1985 – Климов Г.А. Дополнения к «Этимологическому словарю картвельских языков». II // Этимология 1983. М., 1985. С. 166–179 [Klimov G.A. Dopolneniya k «Etimologicheskomu slovaryu kartvel'skikh yazykov». II. *Etimologiya* 1983. Moscow, 1985. Pp. 166–179.]

Климов, Халилов, 2003 – Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М., 2003. [Klimov G.A., Khalilov M.Sh. Slovar' kavkazskikh yazykov: Sopostavlenie osnovnoi leksiki [A Dictionary of Caucasian Languages: Comparison of basic vocabulary]. Moscow, 2003.]

Кретов, 2000 – Кретов А.А. О вторичности значения ‘дерево’ в и.-е. языке // *Этимология* 1997–1999. М., 2000. С. 70–76 [Kretov A.A. On Secondary Character of the Meaning ‘tree’ in Indo-European protolanguage. *Etimologiya* 1997–1999. Moscow, 2000. Pp. 70–76.]

Миллер, 1929 – Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. II. Л., 1929. [Miller V.F. Osetinsko-russko-nemetskii slovar’ [Ossetian-Russian-German Dictionary]. Т. II. Leningrad, 1929.]

Мудрак, 2014 – Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // *Родной язык*. 2014. № 1 (2). С. 76–129. [Mudrak O.A. Caucasian loanwords in Ossetic: The phonetic adaptation, analysis of semantic domains. *Rodnoy yazyk*. 2014. № 1(2). Pp. 76–129.]

Мудрак, 2016а – Мудрак О.А. Даргинские основы. Т. I: *Этимологический словарь*. М., 2016. [Mudrak O.A. Darginskie osnovy. Т. I: *Etimologicheskii slovar’ [Dargi stems: Etymological Dictionary]*. Moscow, 2016.]

Мудрак, 2016б – Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство») // *Родной язык*. 2016. № 2 (5). С. 53–86. [Mudrak O.A. Caucasian loanwords in Ossetic: The semantic domains of livestock and horses. *Rodnoy yazyk*. 2016. № 2 (5). Pp. 53–86.]

Расторгуева, Эдельман, 2007 – Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. III. М., 2007 [Rastorgueva V.S., Edel’man D.I. *Etimologicheskii slovar’ iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Т. III. Moscow, 2007.]

РКБС – Русско-карачаево-балкарский словарь / Сост. Х.И. Сунунчев. М., 1965. [Russko-karachevo-balkarskii slovar’ [Russian-Karachai-Balkar Dictionary]. H.I. Sujunchev (ed.). Moscow, 1965.]

Старостин, 1988 – Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // *Древний Восток: этнокультурные связи*. М., 1988. С. 112–163. [Starostin S.A. Indoeuropeisko-severnokavkazskie izoglossy [Indo-European North Caucasian isoglottic lines]. *Drevnii Vostok: etnokul’turnye svyazi*. Moscow, 1988. Pp. 112–163.]

ТЮО – Цховребова З.Д., Дзицойты Ю.А. *Топонимия Южной Осетии*. Т. I. М., 2013. Т. II. М., 2015. [Tskhovrebova Z.D., Dzitssoity Yu.A. *Toponimiya Yuzhnoi Osetii* [Toponymy of South Ossetia]. Т. I. Moscow, 2013. Т. II. Moscow, 2015.]

Цаболов, 2010 – Цаболов Р.Л. *Этимологический словарь курдского языка*. Т. II. М., 2010. [Tsabolov R.L. *Etimologicheskii slovar’ kurdsкого yazyka* [Etymological Dictionary of Kurdish]. Т. II. Moscow, 2010.]

Цагаева, 1975 – Цагаева А.Д. *Топонимия Северной Осетии*. Ч. II. Орджоникидзе, 1975. [Tsagaeva A.D. *Toponimiya Severnoi Osetii* [Toponymy of North Ossetia]. Part II. Ordzhonikidze, 1975.]

Чёнг, 2008 – Чёнг Дж. *Очерки исторического развития осетинского вокализма* / Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал [Cheung J. *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Studies in the Historical Development of the Ossetic Vokalizm]. Vladikavkaz; Tskhinval, 2008.]

Шёргрен, 1844 – Шёргрен А.М. *Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским*. Ч. I. Грамматика. Ч. II. Словарь. Пб., 1844. [Sjögren A.M. *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarom osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim* [Ossetic grammar with Ossetian-Russian and

Russian-Ossetian short dictionary]. Part I. Grammar. Part II. Dictionary. St. Petersburg, 1844.]

Шрадер, 1913 – Шрадер О. Индоевропейцы / Пер. с нем. СПб., 1913. [Schraeder O. Indoeuropeitsy [Indo-Europeans]. St. Petersburg, 1913.]

Эдельман, 2009 – Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: лексика. М., 2009. [Edel'man D.I. Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: leksika [The Comparative Grammar of the East-Iranian Languages. Vocabulary]. Moscow, 2009.]

Эдельман, 2015 – Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. V. М., 2015. [Edel'man D.I. Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. T. V. M., 2015.]

Buck, 1949 – Buck C.D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago; London, 1949.

Nikolayev, Starostin, 1994 – Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.

Статья поступила в редакцию 3.02.2017

The article was received on 3.02.2017

Дзиццойты Юрий Альбертович – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой осетинской филологии и общего языкознания, Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

Dzitsstsoyti Juri A. – PhD in Philology; Head of the Department of Ossetian Philology and General Linguistics, South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia

E-mail: dzicc@mail.ru

М.Ю. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет,
190034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
190121 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Исследование «слабого» грамматического ограничения методами экспериментального синтаксиса: пример придаточных с союзом *что* в функции сентенциального актанта существительного¹

«Слабые» грамматические ограничения, т.е. ограничения, нарушение которых не приводит к полной неприемлемости структуры, представляют трудности для формального моделирования грамматики, поскольку априори «слабая» неприемлемость может быть эпифеноменом, связанным с трудностями обработки структуры, и не являться свидетельством в пользу того или иного устройства интернализованной носителем грамматики. Поскольку в основе таких ограничений лежат тонкие грамматические различия, трудно уловимые с помощью привычного метода «неформального» опроса носителей, для их выявления могут быть полезны методы экспериментального синтаксиса, специально разработанные для таких целей и набирающие популярность в последнее время. В статье демонстрируется применение методов экспериментального синтаксиса на примере дистрибутивных ограничений сентенциальных актантов существительных с союзом *что*, связанных с типом контекста (коллокационным vs неколлокационным). Для анализа этих ограничений используется (с модификациями) методология экспериментальных исследований островных ограничений (Sprouse et al.). На основе результатов проведенного эксперимента приводятся свидетельства в пользу грамматического статуса предложенных дистрибутивных ограничений на сентенциальные актанты с союзом *что*.

Ключевые слова: русский язык, сентенциальные актанты, экспериментальный метод в лингвистике, суждения о приемлемости.

¹ Представленное в данной статье исследование было выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и его отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка».

M.Yu. Knyazev

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg 199034, Russian Federation;
Higher School of Economics – Saint Petersburg,
Saint Petersburg 190121, Russian Federation;
Moscow State University of Education,
Moscow 119991, Russian Federation

Studying a weak grammatical violation with experimental syntax methods: the case of sentential complements of nouns with the complementizer *čto*

Weak grammatical violations, i.e. violations that result in intermediate unacceptability, pose challenges for a formal description of grammar since it remains undecided whether they are the result of a true grammatical constraint or merely an epiphenomenal consequence of processing complexity. Neither informal grammaticality judgements nor corpus data alone can reveal fine-grained distinctions that may be inherent in a grammatical phenomenon. In this context, experimental syntax methods, which have gained in popularity in recent years (see [Schütze, Sprouse 2013]), can be helpful in providing evidence for subtle grammatical distinctions. In this paper I illustrate this thesis with a case study from the distribution of *čto*-clause complements in Russian focusing on the restriction on the complements of nouns, consisting in the sensitivity to the collocational vs. non-collocational nature of the context. Employing the methodology of the investigation of island effects in (Sprouse et. al), I provide experimental evidence for the grammatical status of the restriction on *čto* clauses, which cannot be firmly established on the basis of introspection or usage data.

Key words: Russian, complement clauses, experimental approach, acceptability judgments.

1. Введение

Формальное моделирование языка в генеративной грамматике традиционно опиралось на интроспективные суждения лингвистов о грамматичности тех или иных предложений как на основной тип данных (в противовес корпусным или экспериментальным данным). Этот факт

связан с позицией Н. Хомского, утверждавшего, что использование «формальных» методов не представляется оправданным в условиях, когда статус большинства обсуждаемых лингвистических примеров (т.е. их (не)грамматичность) не вызывает вопросов¹.

Однако к концу XX в., в связи с развитием теории и более активным привлечением примеров, чей статус был менее очевиден, такая позиция перестала удовлетворять многих лингвистов, в том числе и тех, что придерживались генеративного направления [Schütze, 1996]. Критики указывали на несоответствие «неформальных» суждений их собственной интуиции и данным корпуса и подвергали сомнению методологию генеративизма, а с нею и саму генеративную теорию [Wasow, Arnorld, 2005; Sampson, 2007]. Ответом на это в среде генеративистов стал призыв использовать более строгую методологию при сборе суждений, получившую название «экспериментальный синтаксис» [Coward, 1997; Featherston, 2007; Sprouse, Schütze, 2013; Fedorova, 2013]. И хотя призыв к использованию «формальных суждений» был разделен не всеми генеративистами [Philips, 2009], формальные эксперименты постепенно становятся все более важным элементом при построении генеративных теорий, в том числе, являясь незаменимым инструментом при анализе явлений, отличающихся большой вариативностью суждений [Sprouse et al., 2016].

В этой статье я остановлюсь на одном таком явлении из русского синтаксиса (дистрибуции придаточных с союзом *что* в функции сентенциального актанта имени, обсуждаемом в [Knyazev, 2016]), для которого данные исследовательской интуиции являются нечеткими и нестабильными и отчасти противоречат данным корпуса. Моей целью будет показать, как формальный эксперимент, построенный по модели экспериментальных исследований островных ограничений [Sprouse et al., 2016], может дать более полную картину этого грамматического явления и тем самым помочь уточнить его теоретическую трактовку.

¹ Ср. следующую цитату: «The informal nature of judgement collection has long been acknowledged. <...> The gathering of data is informal; there has been very little use of experimental approaches or of complex techniques of data collection and data analysis of a sort that can easily be devised, and that are widely used in behavioural sciences. The arguments in favour of this informal procedure seem to me quite compelling; basically they turn on the realisation that for the theoretical problems that seem most critical today, it is not at all difficult to obtain a mass of crucial data without use of such techniques. I have no doubt that it would be possible to devise operational and experimental procedures that could replace reliance on introspection with little loss, but it seems to me that in the present state of the field this would simply be a waste of time and energy» [Chomsky, 1969, p. 81].

2. Ограничение на придаточные с союзом *что*

2.1. Обобщение и гипотезы

В работе [Knyazev, 2016] постулируется ограничение (1) на дистрибуцию придаточных с союзом *что*.

- (1) Сентенциальный актант именного предиката может быть оформлен придаточным со *что*, только если этот предикат входит в коллокационный контекст с предикатом матричной клаузы.

Это ограничение может быть проиллюстрировано на примере существительных-номинализаций, имеющих валентность на сентенциальный актант, таких, как *уверенность*, *надежда*, *сомнение*, *доказательство*, *вероятность* и др. Так, в коллокационных контекстах типа *привести доказательства* допускается оба типа придаточных, как в (2а), тогда как в неколлокационных, таких, как *игнорировать доказательства*, как в (2б), допускается только конструкция с *то, что*. И аналогично – для номинализации *уверенность* в (3а)–(3б) и других предикатов (см. примеры в разделе 4).

- (2) а. *Он привел доказательства (того), что эта вакцина очень эффективна.*
 б. *Большинство людей игнорируют доказательства ??(того), что эта вакцина очень эффективна.*
- (3) а. *У него появилась уверенность (в том), что ситуация изменится к лучшему.*
 б. *Я не разделяю его уверенность ??(в том), что ситуация изменится к лучшему.*

Коллокационные контексты здесь понимаются как в [Lyutikova, 2010], т.е. как сочетания существительных-номинализаций с «неполнозначными» глаголами, выполняющими при этих существительных одну из стандартных лексических функций и таким образом сходными с глаголами-связками или «легкими глаголами» в составе сложных предикатов в других языках¹. Одним из диагностических критериев коллокаций

¹ В частности, коллокации могут быть образованы с помощью (нулевой формы) глагола-связки *быть* [Тестелец, 2001, с. 248]), как в (i).

(i) *А где доказательства, что это правда?* [Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002] (Национальный корпус русского языка)

является соотносительность с предикатами, от которых образована соответствующая номинализация, ср. перифразы *у него есть надежда* ~ *он надеется*; *привести доказательство* ~ *доказать*; *есть вероятность* ~ *вероятно* и др.¹

Объяснение данному ограничению, предложенное в [Knyazev 2016], сводится к гипотезе (4а), которая следует из более общей гипотезы (4б).

- (4) а. Придаточное со *что* способно быть актантом существительного, только если существительное образует сложный предикат путем скрытой инкорпорации в вышестоящий предикат².
- б. Придаточные со *что* (в позиции комплемента существительного) являются семантическими предикатами, приписывающими наличие пропозициональной установки у одушевленного субъекта, и должны лицензироваться актантом (глагола) со значением субъекта установки³.

Так, в коллокационных контекстах типа (2а)–(3а) благодаря скрытой инкорпорации образуется сложный предикат *привести доказательства*, подлежащий актант которого становится субъектом установки, лицензирующим придаточное со *что*, в соответствии с (4б). Напротив, в неколлокационных контекстах (2б)–(3б) сложный предикат не может быть образован, и, следовательно, придаточное со *что* не может быть лицензировано.

Также предполагается, что наличие выраженной функциональной структуры в номинализации (посессоров или кванторов) будет блокировать инкорпорацию (ср. [Lyutikova, 2010]) и тем самым вызывать недопустимость придаточного со *что*, как показано в (5б), ср. (5а).

¹ Более подробный список коллокаций существительных-номинализаций с валентностью на сентенциальный актант со *что* / *то, что* приводится в [Knyazev, 2016].

² Понятие скрытой инкорпорации взято из работы [Davies, Dubinsky, 2003], в которой, в частности, анализируются сентенциальные актанты существительных.

³ В свою очередь, гипотеза в (4б) следует из более общей гипотезы, выдвигаемой в [Knyazev, 2016], о том, что придаточные со *что* являются скрытыми именными группами и поэтому в позиции косвенного дополнения, включая позицию комплемента существительных, должны лицензироваться нулевым предлогом (для удовлетворения Падежного фильтра). В [Knyazev, 2016] предлагается семантический механизм, опирающийся на понятие Qualia-структуры Дж. Пустейовского [Pustejovsky, 1995], благодаря которому нулевой предлог получает посредством лингвистического контекста «дефолтную» интерпретацию двухместного отношения (HOLD) между одушевленным субъектом и пропозицией. Таким образом, семантика придаточных со *что*, приведенная в (4б), является следствием наличия в структуре нулевого предлога и его специфической интерпретации. Подробнее см. [Knyazev, 2016].

- (5) а. *Он высказал сомнение (в том), что институт получит финансирование.*
 б. *Он высказал свое сомнение ??(в том), что институт получит финансирование.*

2.2. Грамматический статус ограничения

По приведенным диакритикам в (26)–(36) и (56) видно, что примеры с придаточными со *что* имеют промежуточный статус. Они уступают по приемлемости трем другим примерам из «парадигмы», но при этом не являются абсолютно неграмматичными. Это подтверждается примерами придаточных со *что* в неколлокационных контекстах из Национального корпуса русского языка:

- (6) *Но, с другой стороны, подав ему руку, мы тем самым полностью оправдываем его надежду, что гнусность пройдет.*
 [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Кн. 3) (1989)]
- (7) *Я почему-то сразу отверг вероятность, что ваша книга – известное сабдуковское издание.*
 [Коллективный. Оценка книг (2002)]
- (8) *Умиляет ваша уверенность, что нет такого куска, откусив который, вы не смогли бы проглотить.*
 [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]

Такие примеры немногочисленны, однако краткий анализ данных Корпуса показывает, что именные предикаты в неколлокационных контекстах в целом, безотносительно к типу сентенциального актан-та, встречаются редко. Поэтому наличие даже небольшого количества примеров типа (6)–(8) могло бы говорить в пользу полной допустимости таких конструкций (тогда как отсутствие таких примеров в Корпусе не могло бы быть аргументом в пользу их недопустимости в силу слишком маленькой выборки). Все это может поставить под сомнение обобщение в (1).

Более того, даже если признать, что примеры (6)–(8) не обладают полной приемлемостью, несмотря на то, что были встречены в Корпусе (ср. [Schütze, 2009], где обсуждается такая возможность), их промежуточный статус может служить аргументом против грамматической трактовки их слабой приемлемости. Иначе говоря, можно было бы утверждать, что их слабая приемлемость связана не с нарушением грамматического принципа (типа (4)), а является следствием посторонних факторов, например, таких, как объем рабочей памяти [Chomsky, 1965].

Чтобы более точно квантифицировать степень неприемлемости придаточных со *что* в примерах типа (26)–(36) и (56), а также проконтролировать посторонние факторы, потенциально уменьшающие приемлемость, было проведено экспериментальное исследование суждений методом опроса носителей.

3. Экспериментальное исследование

3.1. Выявление грамматического эффекта посредством факторного дизайна

В эксперименте использовалась методология исследований островных ограничений [Sprouse et. al, 2016], которая исходит из того факта, что в предложениях с нарушением островных ограничений присутствуют независимые факторы, способные уменьшать приемлемость таких предложений. В качестве таких факторов выступают наличие самой островной структуры и наличие дистантного вопросительного выноса. Каждый из этих факторов может уменьшать приемлемость примера за счет усложнения его обработки, при этом ни один из них не приводит к неграмматичности сам по себе. Согласно этой методологии, необходимо вначале отдельно квантифицировать эффект каждого из двух факторов. Далее, если выясняется, что снижение приемлемости для примера с предполагаемым нарушением островного ограничения сводится к суммарному эффекту «осложняющих» факторов, то неприемлемость такого примера будет эпифеноменом. Иначе говоря, она будет проистекать не из нарушения грамматического принципа, а из (суммарной) сложности обработки такого примера. Если же снижение приемлемости будет больше суммарного эффекта двух факторов (так называемый *эффект сверхаддитивности*), то мы имеем случай реального грамматического нарушения. Переводя это на язык статистики, грамматический эффект операционализируется как статистически значимое взаимодействие двух независимых факторов, что будет выглядеть на графике как более сильное отклонение вниз одной из двух наклонных прямых (тогда как отсутствие грамматического эффекта будет выглядеть как две наклонные параллельные прямые).

Распространяя эту логику на придаточные со *что*, мы можем выделить в качестве двух независимых факторов, потенциально уменьшающих приемлемость, следующие:

- а) наличие придаточного со *что* (vs *то*, *что*);
- б) наличие неколлокационного контекста (vs коллокационного).

Что касается первого фактора, то придаточные со *что* часто имеют «разговорный оттенок» в тех случаях, где существует альтернатива с *то*, *что*, поэтому можно ожидать, что их будут оценивать как менее приемлемые. Что касается второго фактора, то примеры с неколлокационным

контекстом в целом менее частотны (см. выше), поэтому можно ожидать, что они будут оцениваться как менее приемлемые.

Таким образом, нами был использован дизайн с двумя факторами КОНТЕКСТ × КЛАУЗА, с двумя уровнями каждый, который схематично показан в (9) для примера (3).

(9) *У него появилась уверенность, что ситуация изменится...*

КОЛЛОК | ЧТО

У него появилась уверенность в том, что ситуация изменится...

КОЛЛОК | ТО, ЧТО

Я не разделяю его уверенность, что ситуация изменится...

НЕКОЛЛ | ЧТО

Я не разделяю его уверенность в том, что ситуация изменится...

НЕКОЛЛ | ТО, ЧТО

Нулевая гипотеза, проверявшаяся в эксперименте, заключалась в том, что эффект приемлемости потенциально неграмматичной комбинации факторов НЕКОЛЛ | ЧТО сведется к суммарному эффекту двух факторов и, следовательно, у нас не будет оснований говорить о нарушении грамматического принципа в соответствующих примерах. Другой целью эксперимента было квантифицировать (с помощью градуальных оценок) степень приемлемости придаточных со *что* в неколлокационных контекстах.

3.2. Описание эксперимента

Для эксперимента было использовано 12 экспериментальных наборов (лексикализаций), по 4 предложения на каждое из условий. Наборы содержали по 2 предложения с предикатами *вероятность*, *уверенность*, *надежда* и *сомнение* и по 4 предложения с предикатом *доказательство*, который был использован чаще других как допускающий, в отличие от остальных предикатов, модификацию коллокационной конструкции с помощью разных типов функциональной структуры: посессивного рефлексива, нерефлексивного посессивного местоимения и кванторного выражения (см. примеры в разделе 4.1)¹. Наборы условно разбивались на две неравные группы:

а) 5 наборов, различающихся только наличием посессора/квантора;

б) 7 наборов, различающихся лексическим контекстом, включая один набор, в котором предложения отличались порядком слов².

¹ Это давало возможность получить предварительные данные о потенциальном влиянии типа функциональной структуры на степень приемлемости.

² Преобладание предложений с модификацией лексического контекста было связано с тем, что этот фактор представляется более важным для различия между коллокационной и неколлокационной конструкцией, нежели фактор наличия/отсутствия функциональной структуры.

Отметим, что неравномерное распределение предложений по двум указанным группам и предикатным лексемам не повлияло на результаты статистического анализа, поскольку он проводился отдельно для каждого предложения (см. раздел 4).

Экспериментальные предложения были распределены по 4 опросникам методом латинского квадрата так, что в каждый опросник вошло по 12 предложений (по три на каждое условие), которые были перемешаны псевдослучайным образом с 18 филлерами разной степени приемлемости (полный список филлеров со средними оценками приемлемости см. в таблице 1). В качестве филлеров были использованы предложения с актантными придаточными со *что* и с *то, что* в различных – в том числе недопустимых в стандартном употреблении – предложно-падежных рамках. В большинстве случаев филлеры содержали либо те же именные предикаты, что были использованы в экспериментальных предложениях, либо предикаты, от которых они образованы. Таким образом, филлеры минимально отличались от экспериментальных предложений, что обеспечивало возможность скрыть от опрашиваемых реальную цель эксперимента¹. Как экспериментальные предложения, так и филлеры были составлены путем манипуляции реально зафиксированных предложений, найденных с помощью поисковых систем.

В качестве задания участникам предлагалось оценить допустимость предложений по 5-балльной шкале, опираясь на собственную интуицию. Инструкция была сформулирована следующим образом: «Вы будете оценивать по 5-балльной шкале, насколько предложение допустимо, с Вашей точки зрения. <...> Важна Ваша субъективная оценка (т.е. интуиция носителя русского языка), а не то, насколько хорошо Вы помните/знаете правила. Поэтому здесь нет правильных или неправильных ответов. <...> Не надо долго думать, отвечайте первое, что пришло в голову». После инструкции было приведено по два примера полностью допустимых (5 баллов) и полностью недопустимых предложений (1 балл).

¹ Вопреки распространенной в экспериментальных исследованиях практике, филлеры не были использованы для отсева участников, предположительно не справившихся с заданием. Поскольку индивидуальные суждения о приемлемости отличаются большим уровнем вариативности и несистематичности для большинства, если не всех, носителей, установление надежных критериев отсева представляется весьма затруднительным. В этом вопросе исследование опиралось на работу [Featherston, 2007], в которой предполагается, что вариативность индивидуальных оценок нивелируется при большом количестве опрашиваемых.

Таблица 1

**Средние оценки приемлемости филлеров
(в порядке убывания)**

1. Вполне вероятно, что весной цены на этом рынке упадут.	4,83
2. Правительство надеется, что законопроект будет одобрен парламентом.	4,80
3. Эти документы доказывают, что фирма занималась хищением денег.	4,71
4. Министр подтвердил, что фестиваль лишили финансирования по политическим причинам.	4,67
5. Журналист уверен, что преследование имело заказной характер.	4,54
6. Эксперты сомневаются, что бюджет страны будет одобрен.	4,43
7. Вполне вероятно то, что в следующем сезоне спортсмен войдет в национальную сборную.	4,14
8. Маше пришло подтверждение о том, что ее заявка на участие в конкурсе принята.	3,44
9. Он предоставил доказательства о том, что эти сведения соответствуют действительности.	2,63
10. Фильм вселил в нее надежду о том, что душевные раны со временем заживут.	2,40
11. Режиссер высказал сомнение о том, что фильм выйдет на российские экраны.	2,39
12. Он выразил уверенность о том, что российские легкоатлеты примут участие в Олимпиаде в Рио-де-Жанейро.	2,03
13. Футболист надеется то, что останется в команде до конца сезона.	1,53
14. Есть вероятность то, что группа вскоре снова начнет давать концерты.	1,28
15. Спортсмен уверен то, что клуб продлит с ним контракт.	1,26
16. Политик подтвердил о том, что собирается в отставку.	1,26
17. Этот пример доказывает о том, что достичь успеха может каждый.	1,24
18. Мэр сомневается то, что будут объявлены досрочные выборы.	1,12

Эксперимент был проведен с использованием Google Forms. Всего приняло участие 282 человека, оценки всех опрошенных были учтены при подсчете результатов.

4. Результаты

Поскольку экспериментальные предложения были достаточно разнообразны, различаясь по именному предикату и типу манипуляции контекста, каждое предложение анализировалось отдельно. Результаты поделены в зависимости от того, различались ли контексты лишь наличием/отсутствием функциональной структуры именной группы или также матричными предикатами.

В таблицах 2 и 3 приводятся средние оценки для всех экспериментальных предложений. В таблицах 4 и 5 приводится анализ уровня значимости каждого из двух факторов и их взаимодействия, полученного с помощью двухфакторного дисперсионного анализа (two-way ANOVA) нормализованных оценок (с учетом средней оценки для каждого опрошенного). В диаграммах 1 и 2 показаны графики средних (ненормализованных) оценок для каждого предложения.

Таблица 2

Средние оценки приемлемости предложений, различающихся наличием/отсутствием функциональной структуры именной группы

A1	Эксперт привел доказательства того, что картина поддельная.	4,96
	Эксперт привел доказательства, что...	3,00
	Эксперт привел свои доказательства того, что...	4,60
	Эксперт привел свои доказательства, что...	2,95
A2	Суду нужны доказательства того, что они родственники.	4,94
	Суду нужны доказательства, что...	3,44
	Суду нужны ее доказательства того, что...	3,88
	Суду нужны ее доказательства, что...	2,49
A3	Генштаб представил доказательства того, что самолет пересек границу.	4,81
	Генштаб представил доказательства, что...	3,23
	Генштаб представил несколько доказательств того, что...	4,93
	Генштаб представил несколько доказательств, что...	2,38

Окончание табл. 2

A4	Он высказал сомнение в том, что институт получит финансирование.	4,32
	Он высказал сомнение, что...	3,18
	Он высказал свое сомнение в том, что...	4,42
	Он высказал свое сомнение, что...	2,45
A5	Политик выразил уверенность в том, что проблема будет решена.	4,79
	Политик выразил уверенность, что...	3,11
	Политик выразил свою уверенность в том, что...	4,92
	Политик выразил свою уверенность, что...	2,83

Таблица 3

**Уровень значимости факторов контекста,
типа придаточного и их взаимодействия для предложений,
различающихся наличием/отсутствием
функциональной структуры именной группы**

	КОНТЕКСТ	КЛАУЗА	КОНТЕКСТ × КЛАУЗА
A1	не значимо	$p < 0,001$	не значимо
A2	$p < 0,001$	$p < 0,001$	не значимо
A3	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
A4	не значимо	$p < 0,001$	$p = 0,005$
A5	не значимо	$p < 0,001$	$p = 0,04$

4.1. Контексты, различающиеся наличием/отсутствием функциональной структуры именной группы

Во всех предложениях, различающихся только наличием/отсутствием функциональной структуры именной группы, был обнаружен значимый основной эффект типа клаузы: придаточные со *что* менее приемлемы. Что касается основного эффекта контекста и, что наиболее важно, взаимодействия, то результаты не дают однозначной картины. Хотя в «абсолютных цифрах» придаточные со *что* при наличии функциональной структуры в номинализации демонстрировали во всех случаях слабую приемлемость (средний рейтинг 2–3), сильное взаимодействие было обнаружено только для наборов A3 и A4.

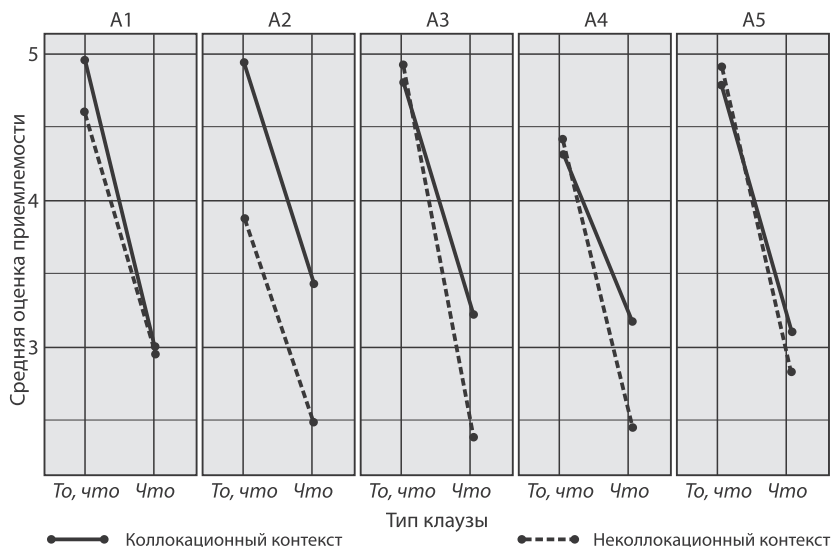

Рис. 1. Средние оценки приемлемости предложений, различающихся наличием/отсутствием функциональной структуры именной группы

4.2. Контексты, различающиеся матричным предикатом

Как и в предыдущем случае, для всех предложений, различающихся лексическим контекстом (матричным предикатом), кроме того был обнаружен основной эффект типа клаузы и в пяти из семи случаев был обнаружен эффект контекста (см. таблицу 4). Что касается взаимодействия факторов, то мы здесь наблюдаем достаточно стройную картину. Исключая из рассмотрения пример В3, который независимо отличается от остальных примеров тем, что в нем контексты различаются порядком слов, мы во всех случаях видим значимое взаимодействие факторов, иначе говоря, большее уменьшение приемлемости при переходе от *то, что* к *что* в неколлокационных контекстах, чем в коллокационных. При этом, как можно видеть в таблице 4, в «абсолютных цифрах» приемлемость предложений со *что* в неколлокационных контекстах в большинстве случаев не достигает нижней части шкалы и колеблется вокруг отметки «3».

Таблица 4

**Средние оценки приемлемости предложений,
различающихся матричным предикатом**

В1	<i>Появились доказательства того, что эта вакцина очень эффективна.</i>	4,83
	<i>Появились доказательства, что...</i>	3,53
	<i>Большинство людей игнорируют доказательства того, что...</i>	4,83
	<i>Большинство людей игнорируют доказательства, что...</i>	2,77
В2	<i>Есть большая вероятность того, что тренер в этом году закончит карьеру...</i>	4,85
	<i>Есть большая вероятность, что...</i>	3,87
	<i>Они обсуждали вероятность того, что...</i>	4,84
	<i>Они обсуждали вероятность, что...</i>	1,86
В3	<i>Велика вероятность того, что новый закон вызовет протест населения.</i>	4,93
	<i>Велика вероятность, что...</i>	4,33
	<i>Вероятность того, что..., очень велика.</i>	4,91
	<i>Вероятность, что..., очень велика.</i>	4,17
В4	<i>У него появились сомнения в том, что вложенные деньги окупятся.</i>	4,82
	<i>У него появились сомнения, что...</i>	4,27
	<i>Это усилило его сомнения в том, что...</i>	4,74
	<i>Это усилило его сомнения, что...</i>	2,75
В5	<i>У него появилась уверенность в том, что ситуация изменится к лучшему.</i>	4,96
	<i>У него появилась уверенность, что...</i>	4,04
	<i>Я не разделяю его уверенность в том, что...</i>	4,88
	<i>Я не разделяю его уверенность, что...</i>	3,26

Окончание табл. 4

B6	Они питают надежду на то, что стороны придут к соглашению.	4,22
	Они питают надежду, что...	3,48
	Это подпитывает их надежду на то, что...	4,74
	Это подпитывает их надежду, что...	2,89
B7	Эти слова вселили в нее надежду на то, что он скоро выздоровеет.	4,83
	Эти слова вселили в нее надежду, что...	4,35
	Эти слова усилили ее надежду на то, что...	4,63
	Эти слова усилили ее надежду, что...	3,16

Таблица 5

**Уровень значимости факторов контекста,
типа придаточного и их взаимодействия для предложений,
различающихся матричным предикатом**

	КОНТЕКСТ	КЛАУЗА	КОНТЕКСТ × КЛАУЗА
B1	$p = 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
B2	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
B3	не значимо	$p < 0,001$	не значимо
B4	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
B5	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p = 0,002$
B6	не значимо	$p < 0,001$	$p < 0,001$
B7	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$

4.3. Интерпретация результатов

Подытоживая, можно утверждать, что результаты эксперимента в целом подтвердили обобщение в (1), т. е. придаточные со *что* (полностью) допустимы только в коллокационных контекстах. Кроме того, исходя из логики факторного дизайна, следует, что слабая допустимость придаточных со *что* в неколлокационных контекстах не может быть сведена к суммарному эффекту факторов контекста и типа придаточного и, следовательно, указывает на наличие грамматического эффекта. Вместе с тем, не удалось обнаружить последовательного эффекта

наличия функциональной структуры у именной группы, ожидаемого исходя из гипотезы о семантической инкорпорации в (4a) и предполагаемых ограничениях на инкорпорацию. Это, однако, не подрывает состоятельность гипотезы в (4a), поскольку полученные данные совместимы с интерпретацией, при которой семантическая инкорпорация (происходящая, по гипотезе, в примерах с придаточным со *что* и коллокационным контекстом) в *общем случае* не блокируется функциональным материалом в именной группе, что также соотносится с наблюдениями [Davies, Dubinsky, 2003]¹.

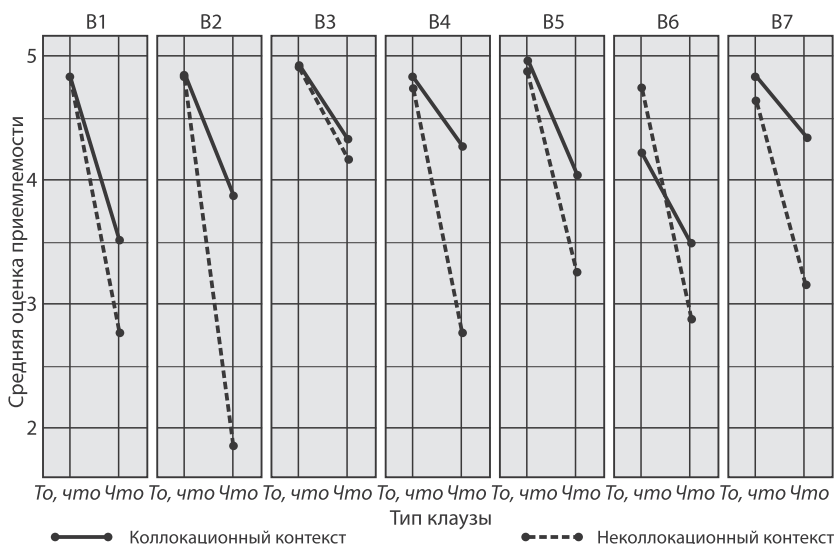

Рис. 2. Средние оценки приемлемости предложений, различающихся матричным предикатом

Необходимо также коснуться вопроса о приемлемости исследуемых конструкций «в абсолютных цифрах». Исходя из логики факторного дизайна, результаты эксперимента указывают на существование *грамматического* нарушения в предложениях с придаточными со *что* в неколлокационных контекстах. Тем не менее это нарушение не приводит к абсолютной неприемлемости для носителей, а воспринимается как средняя приемлемость («3» на шкале от 1 до 5). На первый взгляд, это

¹ При такой интерпретации остается открытым вопрос, почему посессор / кванторное выражение все же блокируют семантическую инкорпорацию в части примеров (A3–A5) и тем самым приводят к их («сверхаддитивной») неприемлемости.

противоречит стандартному допущению в [Chomsky, 1965] о том, что неграмматичные предложения не могут быть приемлемыми.

Как объяснить это противоречие, пока остается не вполне ясным. Естественнее всего считать, что постулируемый в (4) грамматический принцип *семантический* по своей природе, вследствие чего его нарушение ведет к «слабой» неприемлемости, характерной для семантических нарушений (ср. [Kush et al., 2015], где сходная гипотеза высказывается для островных ограничений). Другое предположение заключается в том, что гипотеза в (4) проявляет идиолектную вариативность и входит в (интернализированную) грамматику лишь части носителей, что отражается как промежуточная приемлемость [den Dikken et al., 2007]¹. Наконец, возможно и более экзотическое объяснение, которое заключается в том, что грамматические ограничения (безотносительно к их природе) могут быть «сублиминальными», т. е. не достигать порога восприятия [Almeida, 2014].

5. Заключение

В этой статье были представлены результаты эксперимента, посвященного постулируемому в [Knyazev, 2016] грамматическому ограничению (запрет на придаточные со *что* в функции сентенциального актанта имени в неколлокационных контекстах). Статус этого ограничения представляется неясным в свете противоречащих корпусных данных и нестабильности «неформальных» суждений о приемлемости. Чтобы прояснить статус этого ограничения, был проведен эксперимент с носителями языка на вынесение суждений о приемлемости. Была использована методология, заимствованная из экспериментальных исследований островных ограничений [Sprouse et. al, 2016], в частности, факторный дизайн, позволяющий изолировать грамматический эффект, отграничив его от неграмматических эффектов, связанных со сложностью обработки. Эксперимент подтвердил грамматический характер постулируемого в [Knyazev, 2016] ограничения, а также его «неабсолютный» характер (среднюю приемлемость). Кроме того, эксперимент заставил пересмотреть предлагаемые там же теоретические допущения, касающиеся роли функциональной структуры именной группы на допустимость придаточного со *что*.

В результате, благодаря формальной методологии экспериментального синтаксиса, удалось получить более точную картину изучаемого

¹ В свою очередь, идиолектная вариативность может быть связана с тем, что грамматическая система русского языка находится в стадии перестроения и этот процесс пока успел затронуть только часть носителей. Автор благодарен анонимному рецензенту за указание на такую возможность.

явления, нежели та, что могла быть получена лишь с учетом «неформальных суждений» и корпусных данных, однако и те, и другие были также необходимы при постановке и уточнении теоретических гипотез на начальных этапах исследования. Таким образом, несмотря на очевидные преимущества методологии «формальных суждений» при исследовании грамматики, она должна не исключать, а дополнять другие методы (ср. сходный вывод в [Gries, Gilquin, 2009; Valova, Slioussar, 2016]).

Библиографический список / References

Валова, Слюсарь, 2016 – Валова Е.А., Слюсарь Н.А. Сравнение корпусного и экспериментального метода на примере исследования синтаксических свойств энклитики *же* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. международной конференции «Диалог 2016» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). Вып. 15 (22). М., 2016. С. 806–816. [Valova E.A., Slyusar' N.A. Comparing corpus and experimental approaches: a study of syntactic properties of the Russian enclitic *že*. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2016»* (Moskva, 1–4 iyulya 2016 g.). Vol. 15 (22). Moscow, 2016. Pp. 806–816.]

Лютикова, 2010 – Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 6. С. 36–76. [Lyutikova E.A. Towards the categorial status of noun phrases in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2010. № 6. Pp. 36–76.]

Тестелец, 2001 – Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. [Testelets Ya.G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow, 2001.]

Федорова, 2013 – Федорова О.В. Об экспериментальном синтаксисе и о синтаксическом эксперименте в языкознании // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 3–21. [Fedorova O.V. Experimental syntax and syntactic experiment in linguistics. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. № 3. Pp. 3–21.]

Almeida, 2014 – Almeida D. Subliminal Wh-islands in Brazilian Portuguese and the consequences for syntactic theory. *Revista da ABRALIN*. 2014. № 13. Pp. 55–93.

Chomsky, 1965 – Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, 1965.

Chomsky, 1969 – Language and philosophy. *Language and philosophy: A symposium*. S. Hook (ed.). New York, 1969. Pp. 51–94.

Cowart, 1997 – Cowart W. Experimental syntax: Applying objective methods to sentence judgments. Thousand Oaks, CA, 1997.

Davies, Dubinsky, 2003 – Davies W., Dubinsky S. On extraction from NPs. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. № 1. Pp. 1–37.

Featherston, 2007 – Featherston S. Data in generative grammar: the stick and the carrot. *Theoretical Linguistics*. 2007. Vol. 33. № 3. Pp. 269–318.

Gilquin, Gries, 2009 – Gilquin G., Gries S.Th. Corpora and experimental methods: a state-of-the-art review. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2009. Vol. 5. № 1. Pp. 1–26.

Kush et al., 2015 – Kush D., Lohndal T., Sprouse J. Experimental syntax and the cross-linguistic variation of island effects in Norwegian and Swedish. Poster at the LSA. Portland, OR, 2015.

Knyazev, 2016 – Knyazev M. Licensing clausal complements: the case of *što*-clauses. Doct. dis. Utrecht University, 2016.

Phillips, 2009 – Phillips C. Should we impeach armchair linguists? *Japanese / Korean Linguistics* 17. S. Iwasaki, H. Hoji, P. Clancy, S.-O. Sohn (eds.). Stanford, 2009. Pp. 49–64.

Pustejovsky, 1995 – Pustejovsky J. The generative lexicon. Cambridge, Mass., 1995.

Sampson, 2007 – Sampson G. R. Grammar without grammaticality. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2017. Vol. 3. № 1. Pp. 1–32.

Schütze, 1996 – Schütze C.T. The empirical base of linguistics: Grammaticality judgments and linguistics methodology. Chicago, 1996.

Schütze, 2009 – Schütze C.T. Web searches should supplement judgements, not supplant them. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2009. Vol. 28. № 1. Pp. 151–156.

Sprouse et al., 2016 – Experimental syntax and the cross-linguistic variation of island effects in English and Italian. Sprouse J., Caponigro I., Greco C., Cecchetti C. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2016. № 34. Pp. 307–344.

Wasow, Arnold, 2005 – Wasow T., Arnold J. Intuitions in linguistic argumentation. *Lingua*. 2005. № 115. Pp. 1481–1496.

Статья поступила в редакцию 27.11.2016

The article was received on 27.11.2016

Князев Михаил Юрьевич – PhD (лингвистика); ассистент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет; старший преподаватель кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; старший научный сотрудник Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Knyazev Mikhail Yu. – PhD in Linguistics; Assistant of Department of General Linguistics, St. Petersburg State University; Senior Lecturer of Chair of Comparative Literary Studies and Linguistics, Higher School of Economics – Saint Petersburg; Senior Researcher of Institute of Modern Linguistic Studies, Moscow State University of Education

E-mail: misha.knyazev@gmail.com

М.В. Кюсева

Школа лингвистики, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Жесты формы и размера в русском жестовом языке¹

В статье предлагается анализ трех признаковых полей в русском жестовом языке: 'толстый', 'тонкий' и 'острый' (= суживающийся к концу). Эти поля в русском жестовом языке покрываются особой группой лексических единиц – жестами формы и размера. Статья описывает свойства этих жестов в других языках, известные из предыдущих работ, а также предлагает их анализ в русском жестовом языке, выполненный по результатам подробного исследования их контекстной сочетаемости. В частности, высказываются аргументы за выделение в этих жестах компонентов двух типов (специфицированных и неспецифицированных), обсуждается семантика немануальных элементов и описываются разные способы морфологического выражения этих признаков.

Ключевые слова: русский жестовый язык, жесты формы и размера, лексика жестовых языков, немануальный компонент в жестовых языках.

M.V. Kyuseva

School of Linguistics, National Research University
«Higher School of Economics»
Moscow 105066, Russian Federation

Size and Shape Specifiers in Russian Sign Language²

The article proposes an analysis of three semantic fields in Russian Sign Language: 'thick', 'thin' and 'pointed'. These fields are covered in Russian Sign Language with a particular group of signs, namely, Size and Shape Specifiers (SASSes).

¹ Автор выражает благодарность Вере Ежовой, Татьяне Давиденко, Анне Комаровой, Анне Бабушкиной, Павлу Праксу, Татьяне Терент и Александре Лемесовой за неоценимую помощь в сборе материала.

² We are grateful to our Russian Sign Language consultants Vera Ezhova, Tatyana Davidenko, Anna Komarova, Anna Babushkina, Pavel Praks, Tatyana Terent and Aleksandra Lemesova for the data and fruitful discussions.

The paper describes features of SASSes in other sign languages, known from previous research, and proposes an analysis of these signs in Russian Sign Language based on a detailed study of their contexts. Particularly, the article argues for distinguishing two types of components in these signs (specified and non-specified ones), discusses the semantics of non-manual markers and describes two morphological forms of SASSes.

Key words: Russian Sign Language, Size and Shape Specifiers, SASSes, sign language lexicon, nonmanual features

1. Лексика жестовых языков

Жестовые языки, средства коммуникации глухих и слабослышащих мира, обладают удивительно схожим устройством лексики. Эквивалентом слова звучащего языка в них является жест. В жесте выделяются структурные элементы (также называемые компонентами жеста). Традиционно к ним относят форму ладони, ориентацию ладони, место артикуляции, направление, тип движения и немануальный компонент (движение губ/лица/тела). Например, у жеста русского жестового языка (РЖЯ) ‘зеленый’ (рис. 1) следующие компоненты:

- форма руки – ☞ (вытянутый указательный палец);
- ориентация – вертикальная, ладонью от говорящего;
- место артикуляции – скула со стороны доминантной руки;
- направление движения – вниз;
- тип движения – повторяющееся;
- немануальный компонент – губы артикулируют русское слово *зеленый*.

Рис. 1. РЖЯ: ‘зеленый’ (<http://www.rsl.nstu.ru>)

Как и фонемы звучащих языков, компоненты жеста могут выступать в роли минимальных смысловоразличительных единиц. Например, жест ‘тетя’ в РЖЯ отличается от жеста ‘дядя’ только местом артикуляции, а жест ‘среда’ от жеста ‘четверг’ – конфигурацией ладони. Важным отличием компонентов жестов от фонем звучащих языков является одновременное выражение в жесте первых и, как правило, последовательное выражение в слове последних. Для того чтобы не смешивать два понятия, а также чтобы не идти вразрез с этимологией слова «фонема», У. Стоуки, автор первой грамматики жестового языка [Stokoe, 1960], предложил для обозначения компонентов жеста термин «хирема». В современной жестовой лингвистике, тем не менее, намного более распространена терминология, разработанная на базе звучащих языков: компоненты жеста называют фонемами, а ветвь лингвистики, исследующую их инвентарь и взаимодействие, – фонологией.

Лексика жестовых языков неоднородна и может быть разделена на ядерную и периферийную (также называемую пространственной) части¹ [Padden, Brentari, 2001; Johnston, Schembri, 2007]. В ядерную часть входят жесты, компоненты которых по отдельности не несут никакой семантической нагрузки. Например, в жесте ‘зеленый’ РЖЯ, который относится к ядерному лексикону, ни место артикуляции, ни форма руки, ни движение не обладают значением. Смысл ‘зеленый’ возникает только при соединении этих компонентов вместе. В периферийных жестах каждый компонент по отдельности несет значение, и семантика общего складывается из семантики частей. Так у периферийного жеста ‘толстый’ в словосочетании *толстая стена* в РЖЯ конфигурация ладони передает значение признака – собственно ‘толстый’, ориентация руки и направление движения – вертикальную ориентацию стены, а место артикуляции чуть сбоку от жестикулирующего – прототипическое расположение объекта рядом с человеком (рис. 2). В соответствии с традиционным определением морфемы как минимальной единицы, обладающей значением, такие слова, как *зеленый*, в русском жестовом языке одноморфемны, а такие, как *толстый*, – полиморфемны.

Периферийные жесты очень иконичны и, как считается, порождаются в момент речи, а не хранятся в ментальном лексиконе носителей. Их лингвистическая природа тоже под вопросом: согласно некоторым анализам, они частично состоят из лингвистических, а частично – из жестикуляционных элементов [Liddell, 2003]. Большинство свойств

¹ В некоторых работах [Padden, Brentari, 2001; Johnston, Schembri, 2007] также выделяется третья группа лексики жестовых языков – заимствованный лексикон. Эта группа нерелевантна для настоящего исследования и далее упоминаться не будет.

периферийных жестов, известных на сегодняшний день, выявлено на материале одной их группы – классификаторных конструкций (*sign language classifiers* [Schembri, 2001; Emmorey, 2003; Zwitterlood, 2003]). В настоящей работе обсуждаются черты группы периферийных жестов, которая получила менее детальное описание в жестовых языках мира, – жестов формы и размера.

Рис. 2. РЖЯ: ‘толстый’ (в контексте существительного ‘стена’)¹

Часть 2 этой статьи описывает свойства жестов формы и размера, известные из предыдущих работ. В части 3 представлена информация о русском жестовом языке, на материале которого проводился анализ, в части 4 обсуждаются цели и методы исследования. Последующие разделы представляют результаты анализа: выделение в жестах формы и размера двух типов компонентов (часть 5); обсуждение семантики немануальных маркеров (часть 6) и описание морфологических типов жестов формы и размера (часть 7). В заключении (часть 8) поднимается вопрос о статусе этих жестов в жестовых языках.

2. Жесты формы и размера в жестовых языках

Многочисленные жестовые языки используют иконичные жесты особого типа для описания формы и размера объекта. Эти жесты известны под термином «спецификаторы размера и формы» («Size and Shape Specifiers, SASSes» [Supalla, 1986; Johnston, Schembri, 2007; Bauer,

¹ Здесь и далее примеры из полевой работы автора статьи, если не указано иное.

2014], или «контурные жесты» («Contour Signs» [Zwitsersloot, 2003]). Впервые их описал Тед Супалла на материале американского жестового языка [Supalla, 1982, 1986]. Впоследствии они были выявлены в нидерландском [Zwitsersloot, 2003], австралийском [Johnston, Schembri, 2007], британском [Sutton-Spence, Woll, 1999] и других жестовых языках, включая язык йолнгу, который использует коренное население Австралии [Bauer, 2014].

Некоторые примеры контурных жестов из жестового языка йолнгу показаны на рис. 3. Жест, изображенный на рис. 3, а, используется для описания вертикальных длинных объектов – например, таких как ‘дерево’. Рисунок 3, б иллюстрирует жест, характеризующий такие объекты, как ‘дом’ или ‘магазин’. Наконец, последним изображен жест, который описывает прямоугольную форму референта, такого как ‘дверь’, ‘окно’, ‘телеэкран’ или ‘зеркало’.

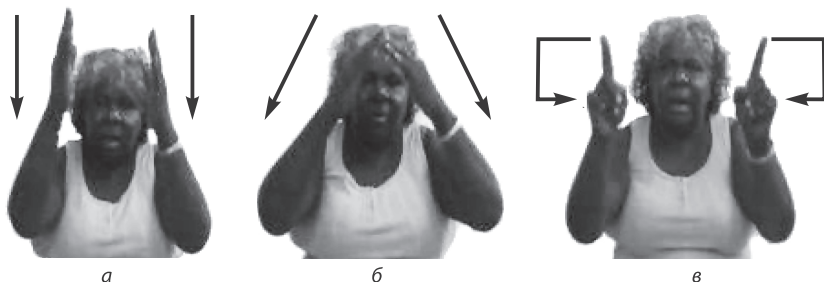

Рис. 3. Контурные жесты в жестовом языке йолнгу [Bauer, 2014, с. 210–211]

Будучи периферийными, эти единицы обладают рядом интересных свойств в жестовых языках. Помимо полиморфемности, проиллюстрированной в разделе 1, контурные жесты характеризуются зависимостью формы от контекста. Так, если ‘толстая стена’ в РЖЯ описывается при помощи движения вниз одной руки в форме , ориентированной ладонью от говорящего (см. рис. 2), то смысл ‘толстое дерево’ передается с помощью движения вниз двух рук, ориентированных друг к другу, а сочетание ‘толстая веревка’ – движения двух рук в противоположные стороны на горизонтальной плоскости (рис. 4). Такое непостоянство формы несвойственно жестам, которые составляют центр лексикона жестовых языков. Уже упомянутый жест ‘зеленый’, например, имеет во всех указанных выше контекстах (‘зеленая стена’, ‘зеленое дерево’, ‘зеленая веревка’) одну и ту же форму.

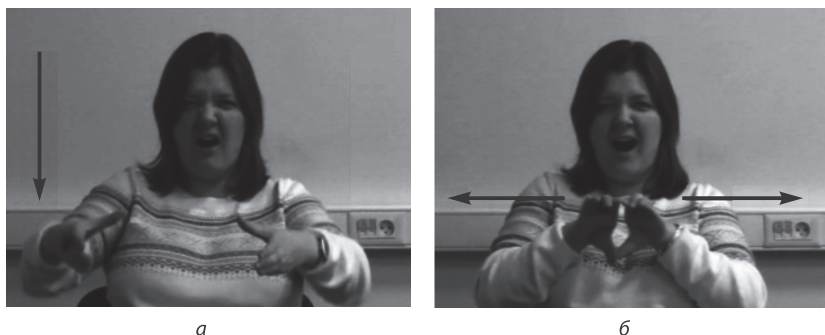

Рис. 4. РЖЯ: 'толстый' в контексте существительных 'дерево' (а) и 'веревка' (б)

Зависимость формы от контекста у этих жестов объясняется высокой степенью иконичности: контурное движение в них как бы обрисовывает форму предмета. А так как возможных форм и ориентаций предметов в мире бесконечное множество, то и потенциальных форм таких единиц в жестовых языках неограниченное количество: ведь любой новый объект действительности может повлечь за собой незафиксированную ранее форму. Это свойство представляет собой довольно серьезную проблему для лингвистов, занимающихся описанием жестовых языков. В первую очередь, оно осложняет задачу проведения границ слова. Как понять, являются ли жесты на рисунках 4, а и 4, б одной лексемой или разными? Отсутствие четкого ответа на этот вопрос, в свою очередь, ставит под сомнение возможность системного изучения лексики жестовых языков вообще.

Наконец, неоднократно отмечалось сходство спецификаторов формы и размера с жестикуляцией слышащих людей. Адам Кендон [Kendon, 2004] приводит в пример жест, показанный жителем города Нортгемптон, носителем английского языка. Описывая рождественский торт, он произносит фразу: *And it was this sort of size* (букв. «Он был примерно такого размера»). Эту фразу он сопровождает жестом, проиллюстрированным на рисунке 5. Этот жест, описывающий размер торта, очень напоминает контурный жест из жестового языка йолнгу, показанный на рисунке 3, в.

Некоторая ограниченность сведений об этих жестах связана с тем, что обычно они рассматриваются в противопоставлении другим типам лексем, а не в качестве самостоятельного предмета изучения. Такой подход не позволяет вполне раскрыть внутреннюю структуру этих единиц. Кроме того, контурные жесты не были описаны на материале русского жестового языка. Настоящее исследование имеет целью заполнить этот пробел.

Рис. 5. 'And it was this sort of size' [Kendon, 2004, p. 148]

3. Русский жестовый язык

Русский жестовый язык — язык, использующийся глухими и слабослышащими в России и некоторых других странах бывшего СССР. Согласно переписи населения 2010 г., этот язык в качестве основного средства общения использует примерно 121 000 граждан РФ¹. При этом официальный статус государственного языка России РЖЯ приобрел только в 2012 г.

Возникновение РЖЯ связывают с открытием в 1806 г. в Павловске первой русской школы для глухих. Так как первые учителя этой школы были обучены во Франции и Вене, существует гипотеза о родстве русского и французского жестовых языков [Kimmelman, 2014]. Эта гипотеза, однако, на настоящий момент остается неподтвержденной и требует дальнейшего исследования.

Будучи распространенным на территории России, русский жестовый язык структурно никак не связан с русским языком. Он обладает совершенно самостоятельной грамматикой: например, в РЖЯ не маркируются падежи, но зато, в отличие от русского языка, очень подробно и иконично выражается аспект [Филимонова, 2015]. Связь РЖЯ с русским языком ограничивается небольшим процентом заимствованных слов.

¹ <https://rg.ru/2011/12/16/stat.html>

До недавнего времени большая часть исследований по РЖЯ относилась к области прикладной лингвистики и ограничивалась педагогикой и психологией. Единственными исключениями были работы Галины Зайцевой, считающейся пионером теоретического лингвистического исследования РЖЯ [Зайцева, 1987, 2000], и грамматический обзор Л. Гренобля [Grenoble, 1992]. В последние восемь лет были защищены три кандидатские диссертации по русскому жестовому языку [Прозорова, 2009; Kimmelman, 2014; Филимонова, 2015]. Остальные исследования включают курсовые и дипломные работы, выполненные студентами Российского государственного гуманитарного университета, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и НИУ «Высшая школа экономики» (см., например, [Цыпенко, 2008; Цфасман 2016; Пасальская 2016]), а также работы Новосибирской исследовательской группы [Буркова, 2012; Буркова, Варинова, 2012]. По сей день русский жестовый язык остается очень слабо изученным: многие аспекты его грамматики и лексикона не получили детального описания.

4. Цели и методы исследования

Основная цель настоящего исследования – описать жесты формы и размера в РЖЯ и найти решение проблеме проведения границ слов в этой лексической зоне. На данном этапе в выборку входят жесты, описывающие два антонимичных признака размера ('тонкий' и 'толстый') и один признак формы ('острый' = сужающийся к концу').

Сбор данных состоял в заполнении носителями анкет, включающих контексты с предметами разных топологических классов. Эти анкеты были разработаны для типологического исследования признаковых полей участниками Московской лексико-типологической группы [Кюсева, 2012; Privezentseva, Kozlov, 2014; Rakhilina, Reznikova, 2016]. Анкеты представлены в двух видах: списка словосочетаний «прилагательное + существительное» и списка предложений, содержащих интересующий нас признак. Ср, например, фрагмент анкеты для признака 'острый (форма)' (таблица 1).

Задача носителей состояла в переводе соответствующих словосочетаний и предложений с русского языка на русский жестовый. Каждая анкета была заполнена пятью носителями. Носители – глухие из семьи глухих и слабослышащих, жители г. Москвы и г. Новосибирска.

Видеозаписи с ответами были аннотированы и проанализированы в программном обеспечении ELAN 4.9.0 (<http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/>). Таблица 2 иллюстрирует аннотационные слои, которые использовались при разметке данных.

Таблица 1

‘Острый’: фрагмент анкеты

Прилагательное + + существительное	Предложения
острый нож	Мне нужно купить острый нож для похода.
острое копье	Нигде не видел такого острого копья!
острый локоть	Меня женщина в автобусе толкнула острым локтем.
острый клык	Будь осторожен! У этой собаки острые клыки.
острый колпак	Мне мама купила острый колпак для спектакля.

Таблица 2

Слои разметки данных

Тип слоя	Название слоя
Общая аннотация	перевод предложения на русский язык
	правая рука: пословные глоссы
	левая рука: пословные глоссы
Фонологическая аннотация по компонентам жеста	конфигурация руки
	ориентация руки
	место артикуляции
	направление движения
	тип движения
	немануальные характеристики

5. Специфицированные и неспецифицированные компоненты в жестах формы и размера

Анализ формы контурных жестов в разных контекстах приводит к нетривиальным результатам. Оказывается, зависимость жеста формы и размера от контекста касается не всех его структурных элементов. У каждого из трех признаков, рассмотренных в настоящем исследовании, есть компонент с зафиксированным значением.

У признаков ‘толстый’ и ‘тонкий’ неизменной является конфигурация руки: для обозначения большого размера и – для маленького. При

этом место артикуляции жеста, ориентация ладони, направление и тип движения меняются в разных употреблении (ср. рис. 2 и 4 для качества ‘толстый’ и рис. 6 – для семантического поля ‘тонкий’).

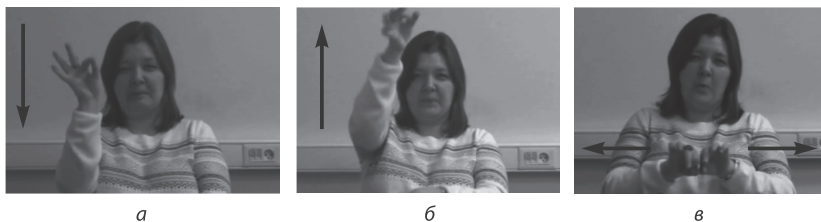

Рис. 6. РЖЯ: ‘тонкий’ в контексте существительных ‘стена’ (а), ‘дерево’ (б), ‘веревка’ (в)

Для выражения значения ‘острый’ формы ладони могут использоваться разные. Здесь постоянным оказывается изменение конфигурации с открытой на закрытую. Так, при описании остроты локтя форма руки меняется с на , ножа – с на , а рога – с на (рис. 7).

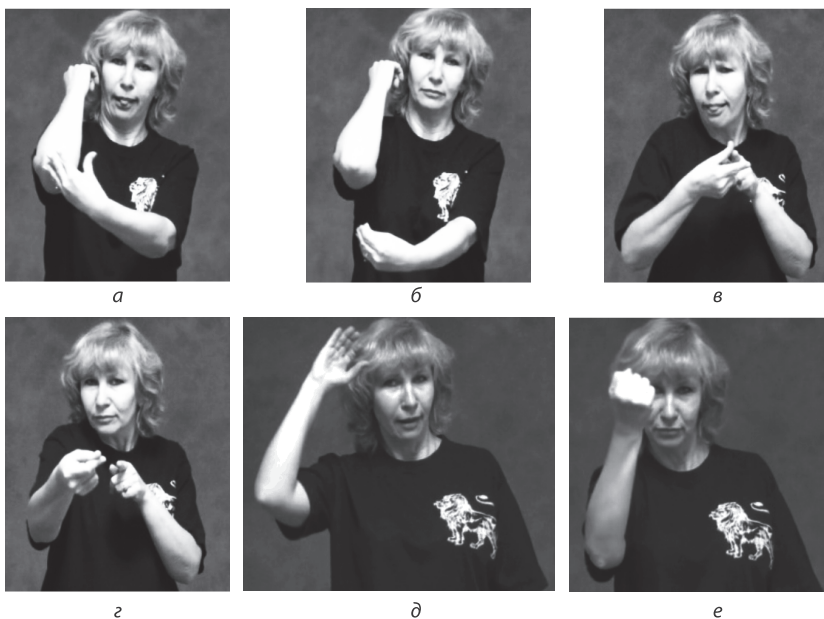

Рис. 7. Признак ‘острый’ в контексте существительных ‘локоть’ (а, б), ‘нож’ (в, г), ‘рог’ (д, е)

Мы предлагаем выделять в контурных жестах два типа компонентов – специфицированные и неспецифицированные. Специфицированные – те, значения которых определены в глубинном представлении признаковой лексемы и остаются неизменными в любом лингвистическом окружении, а неспецифицированные – те, которые получают свои значения от контекста-существительного. Соответственно, у признаков слов ‘толстый’ и ‘тонкий’ в РЖЯ специфицированным является конфигурация руки, а у слова ‘острый’ (= сужающийся к концу) – тип движения: изменение конфигурации руки с открытой на закрытую.

Разделение структурных элементов на специфицированные и неспецифицированные имеет под собой не только формальные, но и семантические основания. Если принять анализ этих жестов как полиморфных единиц, то неизменяемой всегда оказывается морфема, которая иконически выражает сам признак и которую можно считать корневой. Так, в признаках ‘толстый’ и ‘тонкий’ толщина выражается через открытую или закрытую конфигурацию ладони, а ‘острая форма’ обозначается постепенным изменением конфигурации с открытой на закрытую (можно с некоторым огрублением сказать, что острый объект является толстым у основания и тонким на конце). Место артикуляции, ориентация ладони и направление движения, в свою очередь, выражают признаки объекта, не связанные с его формой: относительное расположение и ориентацию. Поэтому они всегда оказываются изменяемыми. Более того, судя по предварительным результатам анализа, эти компоненты имеют аналоговую, а не категориальную природу. Малейшее изменение в ориентации объекта может быть отражено в изменении ориентации ладони и направления движения.

Такой анализ контурных жестов предлагает решение проблемы определения границы слова. Одной лексемой можно считать все примеры жестов, которые объединены одним значением признака и общим специфицированным компонентом. Это решение позволяет нам провести лексическое сравнение этих зон в РЖЯ с соответствующими полями в других языках. Оказывается, что и семантическое поле ‘острый’, и поля ‘толстый’ – ‘тонкий’ демонстрируют распространенные стратегии лексикализации. Признак ‘острый’ в РЖЯ покрывается двумя прилагательными – ядерной лексемой ‘острый’ (рис. 8) и жестом формы и размера ‘острый (форма)’, проиллюстрированным на рис. 7. Первое прилагательное описывает инструменты с линейной функциональной зоной (ножи, сабли, пилы), а второе – инструменты с заостренным концом (иглы, копыя, шила) и предметы с острой формой (колпаки, носы, палки). Такая стратегия лексикализации базируется на топологической оппозиции ‘линия’ vs ‘точка’ и наблюдается, например, во французском, коми-зырянском, венгерском, кабардинском языках [Кюсева, 2012].

Рис. 8. РЖЯ: Ядерная лексема 'острый'

Для признаков 'толстый' и 'тонкий' релевантной оказывается другая типологическая оппозиция – 'функция' vs 'форма'¹. Каждый из них покрывается двумя лексемами. Первое, ядерное, прилагательное описывает толщину функционально значимых поверхностей ('широкая/узкая дорога'; 'широкий/узкий стол'), а второе, выраженное жестом формы и размера, – толщину барьеров ('толстая/тонкая стена') и стержней ('толстое/тонкое дерево', см. рис. 2, 4, 6). Эта стратегия лексикализации тоже является типологически частотной и обнаружена, в том числе, в русском, мокшанском, армянском языках [Ryzhova, Kozlov, Privezentseva, 2013].

6. Немануальный компонент в жестах формы и размера

Единственным компонентом контурных жестов, который нельзя полностью отнести ни к специфицированным, ни к неспецифицированным, является немануальная характеристика жеста. В большинстве примеров нашей выборки контурные жесты сопровождаются определенной артикуляцией губ. При этом она, с одной стороны, не является строго зафиксированной для каждого признака, а с другой – не зависит никаким очевидным образом от контекста.

Как признаки размера 'тонкий' и 'толстый', так и признак формы 'острый' могут сопровождаться губной артикуляцией двух типов: маусингом и губным жестами [Crasborn et al., 2008]. Первый тип представляет собой артикуляцию губами соответствующего слова звучащего языка (например, бесшумное произнесение слова *зеленый* во время артикуляции руками жеста 'зеленый'). Движение губ второго типа со звучащим языком никак не связано, поэтому жесты, требующие такой губной артикуляции, называют «исконными». Примером такого движения может послужить артикуляция слога /ʌp/ в жесте 'похожий'.

¹ Подробнее о понятии функциональности в лексике см. [Рахилина, 2008].

Маусинг в рассматриваемых жестах заключается в артикуляции губами русских слов *толстый*, *тонкий* и *острый*. В случае с губными жестами, признак ‘толстый’ сопровождается слоговыми структурами, при которых губы образуют широкое отверстие (/af:/, /sh:/), а признак ‘тонкий’ – теми, при которых губы образуют узкое отверстие (/m:/, /s:/, /fu:/) (рис. 9)

Рис. 9. Признаки ‘толстый’ (а) и ‘тонкий’ (б) в контексте существительного ‘слой (пыли)’

Признак ‘острый’ артикулируется с губным жестом /lm/ (ср., например, начальное и конечное положение губ в словосочетании ‘острый локоть’, см. рис. 7, а, б). Выбор маусинга или одного из губных жестов в спецификаторах формы и размера, судя по предварительным данным, не зависит от контекста и определяется предпочтениями носителя. Сам набор губных жестов для каждого признака, при этом, представляется нам неслучайным и тесно связанным с понятием «эхо-фонологии», которое ввела в жестовую лингвистику Бенси Волл [Woll, 2014]. Анализируя связь губных жестов с мануальными компонентами в британском жестовом языке (БЖЯ), Б. Волл обнаружила, что в некоторых жестах губы как бы повторяют «эхом» движения рук. Например, губной жест /am/ в БЖЯ ассоциирован с резким закрытием ладони и касанием пассивной руки, а /hw/ – с покачиванием запястья в разные стороны. Это же явление наблюдается и в наших данных. Слоговая структура /lm/ в жесте ‘острый’ скоординирована с изменением конфигурации руки: при открытой ладони артикулируется звук /l/, а по мере ее закрытия губы смыкаются. Губные жесты в прилагательных со значением размера образуют долгий слог без смычки в конце, что коррелирует со спокойным и, как правило, продолговатым движением рук. Степень раскрытия рта в жестах ‘толстый’ и ‘тонкий’ связана с открытой/закрытой формой руки.

7. Морфологические типы жестов формы и размера

Важный аспект лингвистического поведения жестов формы и размера – степень их морфологической слитности с существительным. Все описываемые признаки допускают два типа выражения: в виде отдельного жеста и слитно с существительным, которое они модифицируют. Смыслы ‘толстые усы’, ‘тонкие усы’ (рис. 10) и ‘острый рог’ (см. рис. 7, *д, е*), например, выражаются одним жестом:

Рис. 10. РЖЯ: ‘толстые усы’ (*а*); ‘тонкие усы’ (*б*)

Смыслы ‘толстое дерево’ (рис. 4, *а*), ‘тонкое дерево’ (рис. 6, *б*) и ‘острая стрела (по форме)’ (рис. 11) выражаются двумя жестами: существительным и следующим за ним прилагательным. Носитель сначала артикулирует жест ‘стрела’ (рис. 11, *а, б*), а потом жест ‘острый’ (рис. 11, *в, г*):

Предположительно, потенциальная возможность признака быть выраженным слитно с существительным в определенном контексте зависит от формальных характеристик его корневого компонента. Для того чтобы такая возможность была, этот компонент должен быть совместим с соответствующим компонентом в жесте-существительном. Так, у лексемы ‘толстый’ корневой компонент – конфигурация ладони . Совместимая с ним конфигурация ладони у существительного должна быть такой же по общей структуре (четыре пальца вместе, а большой им противопоставлен), но чуть более закрытой, чтобы ее изменение на открытую было значимым – например, или . Такова, например, конфигурация у жеста ‘усы’ (рис. 12).

Поскольку у лексемы ‘тонкий’ тот же корневой компонент с той же общей конфигурацией ладони, что и у лексемы ‘толстый’, их наборы совместимых существительных совпадают. Ядерный компонент слова

а

б

в

г

Рис. 11. РЖЯ: 'острая стрела'

а

б

Рис. 12. Жест 'усы' (www.spreadthesign.com)

‘острый (форма)’ – тип движения: конфигурация руки должна меняться с открытой на закрытую. Совместимыми с этим словом являются все жесты, у которых есть такая же смена конфигурации. Ср., например, форму жеста ‘рог’ (рис. 13). Когда к таким жестам добавляется значение ‘острый’, движение становится более резким, а губы артикулируют сочетание /lm/.

Рис. 13. РЖЯ: ‘рог’

8. Заключение

Выделение в жестах формы и размера двух типов компонентов – специфицированных и неспецифицированных – предлагает новый ответ на вопрос об их статусе в жестовых языках. Традиционно считается, что эти жесты не хранятся в ментальном словаре носителей, а порождаются в момент речи. Отсюда и их различия от ядерного лексикона: полиморфность и потенциально неограниченное количество форм. Такой взгляд помещает спецификаторы формы и размера в отдельную категорию периферийных жестов.

Представленный в статье анализ предлагает другую перспективу на отличие этих жестов от ядерного лексикона – континуальную, а не категориальную. Действительно, и среди центральных единиц есть жесты с неспецифицированными компонентами. К ним относятся, например, согласующиеся глаголы. Рисунок 14 иллюстрирует согласующийся глагол австралийского жестового языка ‘платить’.

Форма руки и арочный тип движения в этом жесте остаются неизменными во всех контекстах. Направление движения и начальное/конечное место артикуляции, напротив, меняются в разных употреблении. Так же, как и жесты формы и размера, согласующиеся глаголы полимор-

фемны: специфицированные компоненты в них выражают лексическое значение глагола, а неспецифицированные маркируют агенс и пациенс. Так как носитель может расположить участника ситуации в любой точке пространства вокруг себя, форм таких глаголов потенциально бесконечное количество. Наконец, эти глаголы обнаруживают сходство с жестикულიей слышащих людей [Casey, 2003].

Рис. 14. Согласующийся глагол 'платить' в австралийском жестовом языке: 'я плачу тебе' (а); 'ты платишь мне' (б); 'он(а) платит ему/ей' (в) [Johnston, Schembri, 2007, p. 143]

Следовательно, отличие согласующихся глаголов от жестов формы и размера представляется скорее количественным, чем качественным: если у глаголов неспецифицировано только место артикуляции и связанное с ним направление движения, то у признаков жестов непостоянна большая часть компонентов. Это отличие хорошо формализуется в виде континуума, на одном конце которого находятся полностью специфицируемые лексемы, у которых ни один из компонентов не подвержен контекстуальному изменению (как русское жестовое слово *зеленый*), на другом конце – жесты формы и размера, а в середине – согласующиеся глаголы. В таком случае можно сделать предположение, что жесты размера и формы, находясь в некотором смысле на периферии лексики жестовых языков, по крайней мере, частично хранятся в ментальном словаре носителей. Эта гипотеза, однако, является предварительной и требует дальнейшего исследования.

Библиографический список / References

Гейльман, 1975 – Гейльман И. Ф. Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика. Т. 1–4. Ленинград, 1975. [Gailman I.F. Specificcheskie sredstva obschenija gluhih. Daktilologija i mimika [Special tools for deaf communication. Dactylology and facial expression]. V. 1–4. Leningrad, 1975.]

Зайцева, 1987 – Зайцева Г.Л. Методы изучения системы жестового общения глухих // Дефектология. 1987. № 1. С. 3–11. [Zaytseva G.L. Research methodology for deaf communication systems. *Defectology*. 1987. № 1. Pp. 3–11.]

Зайцева, 2000 – Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студентов высших учебных заведений. Москва, 2000. [Zaytseva G.L. *Zhestovaja rech. Daktilologija* [Signed speech. Dactylogy]: Textbook for university students. Moscow, 2000.]

Буркова, 2012 – Буркова С.И. Условные конструкции в русском жестовом языке // Русский жестовый язык: первая лингвистическая конференция / Под ред. Федоровой О.В. М., 2012. С. 50–81. [Burkova S.I. Conditional constructions in Russian Sign Language. *Russian sign language: the first linguistic conference*. Fedorova O.V. (ed.). Moscow, 2012. Pp. 50–81.]

Буркова, Варинова, 2012 – Буркова С.И., Варинова О.А. К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка // Русский жестовый язык: первая лингвистическая конференция / Под ред. Федоровой О.В. М., 2012. С. 127–143. [Burkova S.I., Varinova O.A. On the problem of regional and social variation in Russian Sign Language. *Russian sign language: the first linguistic conference*. Fedorova O.V. (ed.). Moscow, 2012. Pp. 127–143.]

Кюсева, 2012 – Кюсева М. Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков “острый” и “тупой”: Дипломная работа, МГУ. 2012. [Kyuseva M.V. *Leksicheskaja tipologija semanticheskikh sdvigoz nazvanij kachestvennyh priznakov “ostryj” i “typoj”*. [Lexical typology of semantic shifts in adjectives meaning ‘sharp’ and ‘blunt’]. Specialist diploma. Lomonosov Moscow State University. 2012.]

Пасальская, 2016 – Пасальская Е.А. Компаунды в русском жестовом языке. Курсовая работа. НИУ ВШЭ. Москва, 2016. [Pasalskaya E.A. *Compaundy v russkom zhestovom jazyke* [Russian Sign Language compounds]. Termpaper. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, 2016.]

Прозорова, 2009 – Прозорова Е.В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. [Prozorova E.V. *Markery lokalnoj struktury discursa v russkom zhestovom jazyke* [Markers of local discourse structure in Russian Sign Language]. PhD dis. Moscow, 2009.]

Рахилина, 2008 – Рахилина Е.В. Семантика размера. // Рахилина. Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2008. С. 58–81. [Rakhilina E.V. *Semantics o fsize. Cognitive analysis of common nouns: Semantics and combinability*. Moscow, 2008. Pp. 58–81.]

Филимонова, 2015 – Филимонова Е. В. Функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. [Filimonova E.V. *Funkcionaljno-semanticheskaja kategorija aspektualjnosti v russkom zhestovom jazyke* [Aspect in Russian Sign Language]. PhD dis. Novosibirsk, 2015.]

Цфасман, 2016 – Цфасман М.М. Особенности порядка слов в именной группе в русском жестовом языке. Курсовая работа. НИУ ВШЭ. 2016. [Tsfasman M.M. *Osobennosti porjadka slov v imennoj gruppe v russkom zhestovom jazyke* [Aspects of the word order in the noun phrase in Russian Sign Language]. Termpaper. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, 2016.]

Цыпенко, 2008 – Цыпенко А. Генитивная конструкция в русском жестовом языке. Курсовая работа, МГУ. 2008. [Tsypenko A. *Genitivnaja konstruksija*

v russkom žestovom jazyke [Genetive construction in Russian Sign Language]. Term paper. Lomonosov Moscow State University. 2008.

Bauer, 2014 – Bauer A. The Use of Signing Space in a Shared Sign Language of Australia. De Gruyter Mouton, 2014.

Brennan, 1990 – Brennan M. Word Formation in British Sign Language. Stockholm, 1990.

Brentari, Padden, 2001 – Brentari D.K., Padden C.A. Native and foreign vocabulary in American Sign Language: A lexicon with multiple origins. *Foreign Vocabulary in Sign Languages*. D.K. Brentari (ed.). Mahwah, NJ, 2001. Pp. 87–119.

Casey, 2003 – Casey S.K. “Agreement” in gestures and signed languages: the use of directionality to indicate referents involved in actions. PhD thesis, University of California. San Diego, 2003.

Crasborn et al., 2008 – Frequency distribution and spreading behavior of different types of mouth actions in three sign languages. Crasborn et al. *Sign Language and Linguistics*. 2008. Vol. 11. Pp. 45–67.

Emmorey, 2003 – Perspectives on Classifier Constructions in Sign Languages. Emmorey K. (ed.). Mahwah, New Jersey – London, 2003.

Grenoble, 1992 – Grenoble L. An overview of Russian sign language. *Sign Language Studies*. 1992. Vol. 5. Pp. 21–77.

Johnston, Schembri, 2007 – Johnston T., Schembri A. Australian Sign Language (Auslan): An introduction to sign language linguistics. Cambridge University Press, 2007.

Kendon, 2004 – Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge, 2004.

Kimmelman, 2014 – Kimmelman V. Information structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. PhD thesis, University of Amsterdam. Amsterdam, 2014.

Liddell, 2003 – Liddell S.K. Grammar, Gesture, and Meaning in American Sign Language. Cambridge, 2003.

Privezentseva, Kozlov, 2014 – Privezentseva M., Kozlov A. Dimensional adjectives and language topology. *Talk presented at the 10th International Symposium of Cognition, Logic and Communication: Perspectives on Spatial Cognition. University of Latvia, Riga, Latvia*. Riga, 2014.

Rakhilina, Reznikova, 2016 – Rakhilina E., Reznikova T. A Frame-based methodology for lexical topology. *Lexico-typological approaches to semantic shifts and motivation patterns in the lexicon*. M. Koptjevskaja-Tamm, P. Juvonen (eds.). Mouton De Gruyter, 2016. Pp. 95–130.

Ryzhova, Kozlov, Privezentseva, 2013 – Ryzhova D., Kozlov A., Privezentseva M. Qualities of size: towards a typology. *Talk presented at the 10th Association for Linguistic Typology meeting (ALT 10). University of Leipzig, Leipzig, Germany*. Leipzig, 2013.

Schembri, 2001 – Schembri A. Issues in the analysis of polycomponential verbs in Australian Sign Language. Unpublished diss. University of Sydney. Sydney, 2001.

Stokoe, 1960 – Stokoe W. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf. *Studies in Linguistics, 21: Occasional papers* 8 1960.

Supalla, 1982 – Supalla T.R. Structure and Acquisition of Verbs of Motion and Location in American Sign Language. PhD thesis. UCSD, San Diego. San Diego, 1982.

Supalla, 1986 – Supalla T.R. The Classifier System in American Sign Language. *Noun Classes and Categorization*. C. Craig (ed.). Amsterdam, Philadelphia, 1986. Pp. 181–214.

Sutton-Spence, Woll, 1999 – Sutton-Spence R., Woll B. The Linguistics of British Sign Language: An Introduction. Cambridge, 1999.

Woll, 2014 – Woll B. Moving from hand to mouth: echo phonology and the origins of language. *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. № 662.

Zwitserlood, 2003 – Zwitserlood I. Classifying hand configurations in Nederlandse Gebarentaal (Sign Language of the Netherlands). Utrecht, 2003.

Статья поступила в редакцию 7.12.2016

The article was received on 7.12.2016

Кюсева Мария Викторовна – аспирант Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Kyuseva Maria V. – graduate student of School of Linguistics, National Research University «Higher School of Economics»

E-mail: mkyuseva@gmail.com

А.С. Лаврентьева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119234 г. Москва, Российская Федерация

Десакрализация образов святых в испанском фольклоре

Статья посвящена десакрализации образов святых, проявляющейся в процессе функционирования агеоантропонимов (имен святых) в языке испанского фольклора. Двойственность отношения испанцев к святым, акцент на их человеческой природе отражается в особенностях использования имен святых в испанских фразеологизмах и поговорках, народной поэзии, а также в самом факте создания такого языкового феномена, как агеоантропонимы-каламбуры. Испанцы могут использовать имена святых с целью создания в тексте комического эффекта. Автором исследуются причины употребления агеоантропонимов в подобных контекстах, которые кроются в особенностях национального языкового сознания.

Ключевые слова: агеоантропоним, имя собственное, католические святые, десакрализация, католицизм, испанский язык, испанское языковое сознание, лингвокультура, испанский фольклор, народная агиография.

A.S. Lavrentyeva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow 119234, Russian Federation

The desacralization of saints as a result of the peculiarities of the functioning of the hagioanthroponyms in the Spanish folklore

The article is dedicated to the desacralization of saints, which is reflected in the functioning of the hagioanthroponyms (i.e. the names of saints) in the Spanish folklore. The dualism in the views on the saints of the Spanish people, who sometimes place an emphasis on their human hypostasis, can be noticed

in the usage of the hagioanthroponyms in the Spanish idioms, phraseological units, proverbs, folk poetry and also in the phenomenon of the creation of the imaginary hagioanthroponyms, based on a wordplay. Sometimes the names of saints are used for the creation of the humorous effect in the text. In the article we reveal the causes of such usage that are possibly due to the peculiarities of the Spanish language consciousness.

Key words: hagioanthroponym, proper name, saints, religion, desacralization, Catholicism, the Spanish language, linguistic consciousness, linguo-culture, folklore, popular hagiography.

К изучению агиоантропонимов, т.е. имен святых, в отечественной ономастике обратились только в начале 2000-х гг. Благодаря исследованиям религиозной лексики И.В. Бугаевой агиоантропонимы получили свое терминологическое обозначение и были отделены от других типов сакральных имен собственных, таких как иконимы (обозначения сакральных изображений), экклезионимы (наименования храмов и церквей) и т.д. Все вышеперечисленные типы сакральных имен собственных И.В. Бугаева объединила под родовым понятием «агионим», которое в ее терминологической системе стало обозначать имя сакральное как таковое [Бугаева, 2010]. Созданная терминологическая система помогает изучить агиоантропонимы не только как особый вид онимов, но и выделить и проанализировать их функции в языке и культуре. Следует отметить, что в отечественной и зарубежной испанистике имена святых исследованы крайне мало, хотя агиоантропонимы являются важными знаками лингвокультуры: они воплощают в языке культурно-религиозные представления, смыслы и оценки, сформировавшиеся в данном языковом сообществе.

И.В. Бугаева определяет агиоантропонимы как апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых [Бугаева, 2010]. Отметим, что она относит имена Спасителя и Богородицы к «теонимам», которые она определяет как «имена Бога». Тем не менее, в данном исследовании мы рассматриваем имена *Jesús* и *María* и некоторые имена ветхозаветных пророков вместе с агиоантропонимами, поскольку анализ данных лексических единиц необходим для более глубокого анализа языкового сознания испанцев.

В данном исследовании мы используем терминологический аппарат этнолингвистики. Объектом нашего исследования является языковое сознание испанцев, которое мы понимаем как «совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2004, с. 36]. Вслед за В. фон Гумбольдтом,

который считал, что язык является духом народа, этнолингвисты полагают, что носители различных языков по-разному концептуализируют знания о мире. Изучая язык народа, можно реконструировать концепты, которыми оперирует языковое сознание этого народа. Кроме того, нельзя забывать, что когнитивные знания и представления о мире тесно связаны с культурой народа. Поэтому мы исследуем языковое сознание испанцев в рамках лингвокультуры, третьей «семиотической системы, в которой знаки языка выступают как тела знаков языка культуры» (В.Н. Телия) [цит. по: Алефиренко, 2010, с. 51]. В трактовке термина «лингвокультура» мы придерживаемся определения, предложенного Н.Ф. Алефиренко: лингвокультура – «синергетически возникающая амальгама (слияние, сплав, совокупность) взаимосвязанных явлений культуры и языка, зафиксированная и освоенная определенным этноязыковым сознанием» [Алефиренко, 2010, с. 51]. Понятие «лингвокультуры» подразумевает, во-первых, что язык и культура народа неразрывно связаны и обуславливают существование друг друга, а во-вторых, что единицы языка являются воплощением культурных смыслов, которые функционируют на когнитивном уровне этно-языкового сообщества. Так, имена святых в христианских культурах также являются носителями культурных смыслов. Это можно наблюдать, анализируя использование агноантропонимов в современных текстах последних лет (т.е. анализируя синхронный срез языка), а также если проследить формирование данных смыслов в более ранних текстах (т.е. принимая во внимание диахронию). В данной статье мы представим анализ материала, основанный на сочетании обоих подходов: мы рассматриваем явление «десакрализации» в испанской лингвокультуре в целом¹.

Говоря об испанцах и их языковом сознании, мы имеем в виду ту общность людей, для которых родным является пиренейский национальный вариант испанского языка. Таким образом, мы не анализируем языковое сознание других этносов, населяющих Пиренейский полуостров (каталонцы, баски), или наций, говорящих на других национальных вариантах испанского языка (аргентинцы, венесуэльцы, чилийцы и др.).

В данной статье мы рассмотрим процесс «десакрализации» образа святых, который проявляется в испанском языке и фольклоре и,

¹ Ю.М. Лотман считал, что, анализируя семиосферу, нужно учитывать все разнообразие текстов культуры, ибо «на любом синхронном срезе семиосферы сталкиваются разные языки, разные этапы их развития, некоторые тексты оказываются погруженными в не соответствующие им языки, а дешифрующие их коды могут вовсе отсутствовать. <...> Произведение искусства может «умирать» и вновь возрождаться, побыв устаревшим, сделаться современным или даже пророчески указывающим на будущее. Здесь «работает» не последний временной срез, а вся толща текстов культуры» [Лотман, 1996, с. 168–169].

в частности, некоторые особенности использования испанским народом агеоантропонимов. Десакрализация – это обесценивание сакральных (священных) образов, религиозных представлений, мировоззренческих установок и т.д. [Ивин, 2004]. Испанцы, в народной культуре которых ярко проявляется «барочная чрезмерность» [Оболенская, 2008] и смеховая карнавальная стихия¹, переворачивающая верх и низ, нередко десакрализуют образ святых в фольклорном творчестве. Так, в фольклорных произведениях создаются многочисленные шутки про святых; разрабатываются сюжеты, в которых святым приписывается человеческое поведение, порой заслуживающее порицания; подробно описываются физические данные святых и их домашний быт. Фольклорные представления испанцев о святых окрашены целым спектром различных эмоций: от глубокого почтения до иронического отношения или порицания. Десакрализация не является частью семантики агеоантропонимов, это результат функционирования и интерпретации имен святых в некоторых языковых единицах или поэтических произведениях.

Мы рассмотрим возникновение этого лингвокультурного явления на материале следующих языковых единиц и типов текстов: устойчивых словосочетаний (*túnica de Cristo*), каламбуров, образованных от агеоантропонимов или имеющих их в своем составе (*San Filmin*), фразеологических и паремиологических единиц, поэтических произведений (копл, песен). Большая часть процитированного фольклорного материала является актуальной и активно используется испанцами, особенно это касается фразеологизмов, поговорок и каламбуров, которые можно найти, к примеру, на форумах в интернете и которые знает любой испанец. Что касается народной испанской поэзии, то в статье присутствует разнородный материал: больше половины копл взяты из песенников XIX в., собранных фольклористом Ф. Родригесом Марином и представляющих собой интереснейший источник народной испанской мысли. Однако остальные коплы взяты из интернета [*Coplas; Las coplas*] и из сборников современных авторов [*Bravo-Villasante, 1976*], т.к. испанский фольклор является живой стихией и коплы на христианскую тематику сочиняются по сей день. Мы считаем, как уже указывалось выше, что необходимо рассматривать функционирование агеоантропонимов как на синхронном, так и на диахронном уровнях, т.к., во-первых, в силу традиционности празднования испанских христианских праздников многие старинные коплы и поныне можно услышать в процессиях и песнопениях, а во-вторых, не следует игнорировать ценный лингвокультурологический материал, который может дать целостное

¹ Она свойственна не только испанской культуре, но и в целом культурам стран Западной Европы [Аверинцев, 1993].

представление об особенностях языкового сознания испанцев. «В истории искусства произведения, относящиеся к ушедшим в далекое прошлое эпохам культуры, продолжают активно участвовать в ее развитии как живые факторы» [Лотман, 1996, с. 169].

В испанском фольклоре можно заметить *личностное отношение* к Богу, святым и событиям Священной истории [Дяченко, 2012]. «Для испанцев мир божественный был так же близок, как и земной. Соответственно, Христос, Дева Мария и Сатана обретают человеческие черты в глазах католиков, они оказываются рядом с человеком, он чувствует их в каждом мгновенье своей жизни» [Мельчакова, 2007, с. 14]. В испанской религиозно-языковой картине мира дистанция между человеком и святыми значительно сокращена.

Ощущение близости божественного/священного к миру людей воплощена, например, в обращениях испанцев к святым. Во многих коплах – испанских народных стихотворениях, состоящих из трех или четырех восьмисложных строк¹ – встречается материнское обращение к Младенцу Иисусу – *Niño mío* ('Дитя мое'), словно к собственному ребенку:

*Esta noche nace el Niño,
Entre la paja y el hiello;*

*¡Quien pudiera, Niño mío,
Vestirte de terciopelo!*

[Rodríguez Marín, p. 225]

*Сегодня ночью Младенец родился,
Среди соломы и льда...*

*Вот если бы кто-нибудь мог
Укутать тебя в бархате!*²

Для детского фольклора также весьма характерно аффективное обращение к Иисусу больше как к взрослому доброму знакомому, чем как к Богу. Используются различные эпитеты, передающие трогательное, умильное отношение детей: в песнях-молитвах они называют Иисуса *Jesús querido* («дорогой Иисус»), *dulce Jesús de mi vida* («сладчайший Иисус моей жизни»). Кроме того, к имени может добавляться уменьшительный суффикс *-ito*, который также способствует установлению более короткой дистанции между ребенком и Богом: *Jesúsito*, например, в такой считалке:

¹ Copla – «una estrofa popular de tres o cuatro versos, generalmente octosílabos» [Ayuso de Vicente, 1990, p. 80].

² Здесь и далее перевод автора статьи.

*Palomita blanca,
Que llevas en el pico
aceite y vinagre
para Jesusito,
Jesusito te dirá
la mentira o la verdad.
[Bravo-Villasante, p. 63]*

*Белая голубка,
Что несет в клюве
Масло и уксус
Для младенца Иисуса.
Иисус тебе скажет:
Это правда или ложь.*

Можно проследить некоторые особенности употребления эпитетов не только перед именем Спасителя, но и перед именем Богоматери. В то время как перед именами святых употребляются эпитеты, не несущие в себе оттенка десакрализации (чаще всего в поэзии встречаются два основных эпитета: *bendito* ‘блаженный’, *glorioso* ‘славный’), одним из самых распространенных комплиментов Деве Марии является *morena* (‘смуглая’, ‘смуглянка’) или ласковое, с уменьшительным суффиксом *-ita morenita* (‘смугляночка’). В русском языке назвать так Богородицу невозможно, однако испанское религиозно-языковое сознание менее строго и допускает наличие подобного определения. Данный эпитет дается многим чтимым образам Девы Марии. А.С. Дяченко смуглый цвет кожи у севильских Дев Марий объясняет модой, которая в начале XX в. распространилась в Севилье [Дяченко, 2012, с. 167]. Но стоит отметить, что в упоминании тона кожи Девы Марии таится глубокий символический смысл: чем «смуглее» (темнее) изображение (статуя) Девы Марии, тем оно старше, а значит, является более намоленным, может быть и чудодейственным. К восхищению красотой примешивается понимание сакральной ценности изображения:

*Morena es la Magdalena
Y la Virgen del Pilar;
Yo digo que es más morena
La Virgen del Olivar.
[Rodríguez Marín, p. 261]*

*Магдалина смуглая
Как и Дева Мария дель Пилар;
Но самая смуглая –
Дева Мария дель Оливар.*

Личностное отношение отмечается исследователем испанской саэты А.С. Дяченко: испанцам присуще обостренное восприятие мучений Иисуса перед казнью, что находит отражение в атрибутике процессий во время Страстной Недели (натуралистичное изображение святых, ран Иисуса), в тематике и в надрывном исполнении саэт, коротких песнопений, сопровождающих процессии. Для испанцев муки Христа не абстрактны, а предельно конкретны: описание синяков Христа в фольклоре натуралистично. Например, рясa Иисуса, залитая кровью, стала метафорическим обозначением лилового цвета, цвета синяка. Данные образы реализуются в испанских фразеологизмах и паремиях: *hecho un Santo Cristo* – ‘растерзанный, измученный’ [ИРФС, с. 191]; *poner a uno como a un Cristo* (досл. «поступить как с Христом»): 1) обругать, оскорбить; <...> 3) жестоко избить [Там же]; *como la túnica de Cristo* (досл. «как рясa Христа»): ‘лиловый’ [ИРФС, с. 684], т.е. фразеологизм обозначает цвет синяка. Кроме того, название *túnica de Cristo* носит растение «дурман индийский», поскольку оно тоже лилового цвета¹.

Возможность сравнения обычного человека с Иисусом, описание физического состояния Спасителя акцентирует внимание на его человеческой, а не божественной природе, что в определенной степени является примером десакрализации образа.

Кроме того, десакрализация проявляется в том, что агеоантропони-мы могут использоваться испанцами для создания комического эффекта. Комическое по отношению к священному само по себе является десакрализацией. Иногда во фразеологических и паремиологических единицах имя святого добавлено для созвучия и создания рифмы. Например, в иронической присловке *Si sale con barbas, San Antón, y si no, la Purísima Concepción* [Junceda, 1998, p. 568] (досл. «если выйдет с бородой, то будет святой Антоний, если нет, то икона Непорочного зачатия Девы Марии») имена были выбраны для созвучия, и единственно важным в выборе являлось то, чтобы они принадлежали святым разного пола, поскольку поговорка представляет собой ответ художника на вопрос, кого он рисует.

Имена святых используются в качестве средства создания рифмы в следующих похожих поговорках:

– *Eres como San Nicolás, me lo quitas después que me lo das* [Los proverbios] (досл. «ты как святой Николай: отбираешь, не успев подарить») высмеивается непостоянный человек, часто меняющий свои решения;

¹ *La túnica de Cristo* – «planta anual, parecida al estramonio, de 60 a 80 cm de altura, ... corolla violada por fuera y blanca por dentro, y cápsula de cuatro ventallas, que procede de la India y se cultiva mucho en los jardines de Europa» [Diccionario].

- *como el borrico de San Vicente que lleva la carga y no la siente* [Celdrán Gomariz, 2013, p. 89] (досл. «как осел святого Висента, который не чувствует, что тащит лишний груз») – ‘быть очень рассеянным человеком’;
- *como el asno de San Antolín (de San Sadurnín), que cada día más de ruin* [Там же, p. 87] (досл. «как осел святого Антолина (святого Садурнина), который с каждым днем становится все дряхлее») – ‘быть развальной; физически слабым’.

Любопытно, что иногда ради рифмы меняется род имени: в присказке *¡Echa el freno, Magdaleno!* [Iribarren, 1956, p. 307] (‘Притормози!’) имя Марии Магдалины становится именем мужского рода.

С целью создания комического эффекта во фразеологизмах и коплах с помощью имени святого может быть обыгран некий сюжет. Агио-антропоним в таком случае выполняет сюжетообразующую функцию, являясь смысловым центром стихотворения. В следующей копле представлена шуточная интерпретация молитвы святой Рите Кашийской, к которой как к покровительнице брака обращаются девушки, желающие выйти замуж:

*Santa Rita, Santa Rita,
Para uso de diario,*

*cada uno de nosotros,
necesita, necesita,*

*un marido millonario,
aunque sea un animal,
un borrico y tal tal.*

[Buitrago, 2006, p. 447]

*Святая Рита,
Мы все до одной*

*каждый день
нуждаемся*

*в муже-миллионере,
и пусть он будет хоть скотом,
или ослом разэтаким.*

Порой комический эффект может быть достигнут за счет контраста при соединении несочетаемых понятий, священного и греховного: *sentarle a uno una cosa como a Cristo un par de pistolas* [ИРФС, с. 191] ‘одно совершенно не сочетается с другим’ (досл. «подходить одно другому, как пара пистолетов Христу»). Как видим, многие шуточки десакрализируют священное, гранича при этом с богохульством, что иногда

может оскорбить представителей других культур. Можно привести еще один пример: когда просят сберечь какую-либо вещь, используют выражение: *¡Ojo al Cristo, que es la plata!* [ИРФС, с. 459] (досл. «осторожнее с распятием, оно из серебра!»). Агиоантропоним *Cristo* в данном примере перешел в разряд имен нарицательных и стал обозначать священную реликвию – распятие. В Андалусии остроумно переделали это выражение: *¡Ojo al Cristo, que es de lata!* [Iribarren, 1956, p. 286] («осторожнее с распятием, оно из жести!»). Как видим, в переделанной версии значение реликвии принижают, десакрализируют.

Комический эффект может быть заложен не только во фразеологизмах, паремиях и народных песнях, в которых встречаются агиоантропонимы, но и в таких любопытных языковых единицах, как каламбурные агиоантропонимы, имена квазисвятых (термин А.Б. Мороза). Известно, что испанцы любят и ценят остроумие, которое проявляется в непрекращающемся процессе языкотворчества – в создании новых языковых единиц¹. Неутомимая испанская фантазия рождает имена «каламбурных святых» и приписывает им сферы покровительства. Это шуточные агиоантропонимы, образованные на основе игры слов. Одним из самых распространенных приемов создания каламбура является паронимасия – сближение созвучных слов. Вслед за В.С. Виноградовым, который выделил в каламбуре два элемента: опорное слово (стимулятор) и результат, – отметим, что опорным элементом при создании каламбурных имен святых зачастую является агиоантропоним [Виноградов, 2010, с. 203].

Pilatos – Piloto²: *Poncio Pilatos* (Понтий Пилат) – *San Poncio Piloto* (покровитель летчиков). Каламбурное имя образовано от сочетания прилагательного и существительного: *san* ‘святой’ + *piloto* ‘пилот’ соответственно.

Fermín – Film (ín): *San Fermín* (святой Фермин) – *San Filmin* (покровитель кинематографистов). Имя образовано от *san* + *film* (‘фильм’) + суффикс *-ín*.

Teresa – Cereza: *Santa Teresa de Jesús* (святая Тереза Авильская) – *Santa Cerecita de Jesús* / *del Niño Jesús* (покровительница продавцов фруктов и бакалейщиков). Имя образовано путем сложения части имени святого *de Jesús* / *del Niño Jesús* и слова *cerecita* ‘черешенка’.

¹ «Речевой акт носит импрессионистический и часто импровизационный характер, его отличает стремление произвести яркое впечатление и одновременно стремление мгновенно воздействовать на адресата, поразить его по-новому звучащим словом, каламбуром, невиданной метафорой» [Оболенская, 2008].

² Здесь и далее примеры взяты из «Энциклопедии имен собственных» [Albaigés, 1998].

Aquino – словосочетание *Aquí no: Santo Tomás de Aquino* (святой Фома Аквинский) – *Santo Tomás de Aquí No* (покровитель иностранцев). Имя образовано путем сложения имени *Santo Tomás* и словосочетания *aquí no* (досл. «не здесь», т.е. «нездешний»);

Calisay – **Calasanz**: *San José de Calasanz* («святой Иосиф де Каласанс») – *San José de Calisay* (покровитель пьяниц). Имя образовано путем сложения имени *San José* и названия марки ликера *Calisay*.

Некоторые каламбуры могут быть построены на основе омонимов, где стимулятор и результаты полностью совпадают по фонетическому звучанию, но не по значению. В приведенных ниже примерах комический эффект усиливается благодаря тому факту, что созданное каламбурное имя святого полностью совпадает с именами существующих святых.

Santa Tecla (святая Фекла) – **Santa Tecla** (покровительница секретарей или в прошлом – стенографисток). Каламбурное имя образовано от *tecla* «клавиша».

San Gregorio de Tours (святой Григорий Турский) – **San Gregorio de Tours** (покровитель велосипедистов). Имя квазисвятого образовано путем соединения имени настоящего святого *San Gregorio*, предлога *de* и формы мн. ч. французского существительного *tour* «объезд», которое является частью названия знаменитой велогонки «Tour de France».

Santa Rosa de Lima (святая Роза Лимская) – **Santa Rosa de Lima** (покровительница кузнецов); имя образовано от *limar* «работать напильником, обтачивать».

Как видим, в создании каламбурных святых проявляется десакрализация самого концепта «святой»: со священным сопоставляются самые обыкновенные вещи повседневной жизни (фильмы, фрукты, путешествия, работа напильником, марка ликера). Получившийся контраст несочетающихся понятий рождает комический эффект.

Встречаются созданные народной фантазией агиоантропонимические каламбуры, в которых «сама игра строится не столько на созвучии, сколько на обыгрывании значения внутренней формы имени» [Оболенская, 1980, с. 60]: к различным существительным присоединяются прилагательные со значением святости: *san/santa* («святой/святая»).

San Ciruelo (от *ciruelo* перен. «олух, болван»), **San Bobilés** (от *bobo* «дурак») – покровители дураков. Фольклорное имя образовано в данном случае на основе метафорического переносного значения слова *ciruelo* («слива») – «болван, олух, рохля». Производное слово *sansiroolé* («глупость») может употребляться как слово мужского рода, так и женского: *un/una sansirolé*.

Santa Lotería (от *lotería* – «лотерея») – покровительница удачи.

San Para Mí (*para mí* – досл. «для меня») – покровитель эгоистичных людей.

San Gíbarse (*gíbarse* – ‘горбиться’) – покровитель горбатых людей, исп. ‘горбун’.

В данном типе каламбуров созданный агеоантропоним является и стимулятором (опорным элементом), и результатом [Виноградов, 2010, с. 203]. Подобные «карнавальные», или фольклорные, агеоантропонимы вызывают улыбку, поскольку контраст очень ярок: дурак представлен как святой (*San Ciruelo, San Bobilés*).

Фольклорные агеоантропонимы могут использоваться в речи как автономная лексема: например, можно сказать: *decir esto me parece una sancirole* [Libertad] («я думаю, что глупо говорить это»). Также они могут употребляться в составе устойчивых словосочетаний, фразеологизмов. К примеру, поговорка *el día de San Ciruelo te pagaré lo que debo* переводится дословно «я тебе заплачу в день святого Сируэло», т.е. ‘никогда’ (русский эквивалент: *когда рак на горе свистнет*), поскольку святой Сируэло «почитается» 30-го февраля, в несуществующий день: *día de San Ciruelo, treinta de febrero* [Celdrán Gomariz, 2013, p. 191] («день святого Сируэло – тридцатое февраля»).

Предпосылки десакрализации могут быть выявлены в тех сюжетах копл и песен, которые испанцы активно заимствуют из Библии и апокрифов и переосмысливают в народном творчестве. Заблуждения святых, описанные в Священном Писании, подвергаются испанцами критике. Например, в коплах о святом Петре испанцы усиливают мотив предательства апостолом Петром Христа. В каноническом писании в ночь, когда Иуда предал Христа, Петр, как и предсказывал Иисус, также трижды отрекся от своего Учителя. По-видимому, он и сам не отдал себе отчета в том, как три раза не признал себя учеником Христа, поскольку «выйдя вон, плакал горько» (Мф. 26: 75). В народной поэзии испанцы видят в поступке Петра не столько опасение за собственную жизнь и трусость, сколько вероломство, сознательное предательство (святой Петр готов поклясться собственной жизнью, что никогда не служил Христу):

*Entre muchos que allí había,
Lo conoció una criada.
Y le dijo: – Tú eres Pedro,
De la compañía de Cristo.
– Que yo me caiga aquí muerto,
Si a ese hombre nunca he visto.*

[Rodríguez Marín, p. 231]

*Среди всех, кто там стоял,
Служанка узнала его
И сказала: – Ты есть Петр,
что с Иисусом ходил,
– Да упасть мне замертво,
Если знаю этого человека.*

Вместе с тем, во фразеологизмах также актуализируется сема раскаяния Петра в содеянном. Апостол Петр предстает перед нами как плачущий: *salir las de San Pedro* [ИРФС, с. 611] (о слезах: «течь, как текут слезы святого Петра»); *San Pedro llora* (о дожде: «святой Петр плачет»).

В народной поэзии испанцы также критикуют поведение святого Иосифа в его отношении к Деве Марии. Святой порой изображен совсем не как образцовый муж, потому что грубо отвечает на просьбу своей жене Марии и отказывается ей помочь:

– *Toma, San José este niño,
Mientras enciendo candela.* –

Y San José respondió:

– *Quien lo parió que lo tenga.*

[Las Coplas]

– *Подержи ребенка, святой Иосиф,
пока я зажигаю свечу.*

А святой Иосиф отвечает:

– *Вот кто родил, тот пусть и держит.*

Ироничное и порой лишенное благоговения отношение к святому Иосифу в коплах, по-видимому, объясняется реакцией испанцев на эпизод Евангелия, более подробно описанный в апокрифах, в котором Иосиф сомневается в верности Марии, узнав о ее беременности. Кроме того, в вышеприведенной копле передается некоторая доля отчуждения по отношению к сыну. Испанцы подчеркивают тот факт, что святой Иосиф – именно не родной, а «приемный» отец Иисуса (*padre putativo*).

Переосмысление и народная интерпретация библейских сюжетов в фольклорных жанрах формирует народную агиографию (термин А.Б. Мороз). Он понимает под «народной агиографией» русских святых исключительно прозаические тексты: «весь корпус прозаических фольклорных текстов, содержащих сведения о святых, их житии, чудесах, а также об обрядах, которые отражают почитание святых и мотивируют это почитание через апелляцию к образу самого святого» [Мороз, 2011, с. 14]. В рамках испанской лингвокультуры мы рассматриваем под «народной агиографией» в том числе и стихотворные произведения, посвященные народом святым и повествующие об их жизни.

«Дистанция, отделяющая этот (народный. – А.Л.) образ от того, который создается книжным житием (то есть собственно житием), может быть ничтожна, а может быть и огромна настолько, что “народный” святой окажется совершенно иным, ничего общего не имеющим со своим

книжным прототипом» [Мороз, 2009, с. 14]. Как мы видим в вышеперечисленных коплах, библейские мотивы, связанные со святыми, интерпретируются народом таким образом, что образ святого Петра и святого Иосифа оказывается далеким от канонического: фольклорный образ в гораздо меньшей степени вызывает почтение.

Отметим, что народная агиография, представляющая собой народное житие святого¹, должна быть отделена от шуточной поэзии, которая не является интерпретацией или осмыслением духовного пути святого. В некотором смысле такую смеховую поэзию, десакрализирующую образ и деяния святого, можно назвать «квазиагиографической», т.е. ненастоящей агиографией, рассказывающей о ненастоящих, выдуманных фактах жизни святого [Мороз, 2007]. «Квазиагиография» порой приписывает святым человеческое поведение и чувства: например, святой Власий в народной поэзии предстает как отпетый драчун и любитель женщин:

*Bendito y Glorioso San Blas
tiene la sotana rota
se la rompió en un zarzal
corriendo detrás de una moza*
[Coplas].

*Блаженный и славный святой Власий
Порвал рясу в клочья,
Пока пытался догнать
В лесу красавицу-девушку.*

На основе сюжета коплы, в которой описывается затворничество святого в горной пещере:

*San Blas vamos buscando
y no lo podemos hallar
al monte se ha retirado
a vivir en soledad*
[Coplas].

*Ищем мы Власия
И не можем найти,
На гору удалился
Держать обет уединения,*

¹ «В центре внимания в не меньшей мере, чем праведная жизнь святого, оказываются и сотворенные им уже после смерти чудеса, и события, сопровождавшие открытие, обретение или перенесение мощей, и история и формы почитания сакральных объектов, связанных со святым» [Мороз, 2007].

испанцы создали новую коплу, в которой подвижничество святого Власия остроумно переосмысливается и может быть понято двусмысленно:

*A San Blas vamos buscando
y no lo podemos hallar,
en casa de doña Claudia
lo volvimos a encontrar*

[Coplas].

*Ищем мы Власия
И не можем найти,
В доме доньи Клаудии
Снова он оказался.*

Святые становятся фольклорными «квазиагиографическими» персонажами повседневной жизни народа: например, склонные к соперничеству жители соседних городов пытаются всячески превознести своего покровителя и принизить покровителя города-соперника, поэтому в шутку придумывают разные нелепости: например, драки между святыми. Жители двух муниципалитетов провинции Эстремадура в коплах изображают, как покровитель города Сильероса святой Власий отрезает голову покровителю города Вильямьяеля святому Папе Петру Целестину:

*Si nuestro patrón San Blas
puedira subir la cuesta
a San Pedro Celestino
le cortaría la cabeza*

[Coplas].

*Если бы наш покровитель святой Власий
Смог бы подняться на холм,
Святому Петру Целестину
Отрезал бы он голову.*

Как видим, шутки про святых часто носят сниженный, подчас грубый характер, что воспринимается испанцами совершенно нормально. Упоминание физиологических подробностей или частей тела, вплоть до детородных органов, вместе с именем святого является явным примером десакрализации его образа для достижения комического эффекта, что делает такого рода квазиагиографические сюжеты чрезвычайно популярными в народе:

*San Lorenzo en la parrilla
le decía a los judíos*

*dadme la vuelta, cabrones
que tengo los huevos fríos.*

[Coplas y jotás]

*Святой Лаврентий на решетке
Сказал евреям:*

*Переверните меня, негодяи,
У меня кое-что замерзло.*

В квазиагиографии как в исконно народном творчестве особенно остро сталкиваются несовместимые понятия, наличествуют остроты и несуразности.

Личностное отношение к святым и десакрализация их образа обусловлены восприятием святого человека в большей степени как представителя мира людей, а не мира божественного. Поэтому для испанца интересен не только символический смысл событий земной жизни святых, но сами события как таковые. Это проявляется в детальном описании быта святых в испанской поэзии. Мария и другие члены Святого Семейства часто описываются как обычные люди, погруженные в семейные заботы, среди которых имеют место стирка белья, приготовление еды, игры с ребенком. Бытовые мотивы в большинстве своем брались из апокрифов, которые, как уже упоминалось выше, пользовались большой популярностью в Испании:

*La Virgen lava la ropa,
San José la está tendiendo,*

*Santa Ana entretiene al Niño
Y el agua se va riendo*

[Rodríguez Marín, 1883, p. 226].

*Дева Мария стирает одежду,
Святой Иосиф ее развешивает,*

*Святая Анна играет с Младенцем,
А ручеек смеется.*

*San José bendito,
¿Por qué te quemastes?*

*Viendo que era gachas,
¿Por qué no soplastes?*

[Там же]

*Блаженный святой Иосиф,
Как же ты так обжегся?*

*Видя, что каша горячая,
Что же ты на нее не подул?*

Бытовые, семейные сюжеты чаще всего разрабатываются в соответствующей жанровой разновидности копл – колыбельных (*canciones de mecer*):

*Las doce están dando
el Niño llorando,*

*la Virgen María
lo está consolando*

*– No llores, Jesús,
que tengo que hacer:*

*lavar los pañales
ponerlos a tender.*

[Bravo-Villasante, 1976, p. 13]

*Пробило полночь,
Младенец плачет,*

*Дева Мария
его успокаивает:*

*– Не плачь, Иисус,
у меня полно дел:*

*постирать твои пеленки
и повесить их сушить.*

В данной статье мы рассмотрели, как десакрализация образа святых проявляется в функционировании агиоантропонимов в испанском языке. Десакрализация возникает в результате вольного переосмысления жития святого народом, создания фольклорной агиографии. Народная испанская агиография испытывает влияние смеховой (а именно – карнавальной) культуры, по М.М. Бахтину, в которой в дни карнавала священное и греховное меняются местами, и смеяться над священным может быть позволено¹. Однако это может вызвать культурный шок у представителей, к примеру, православной ветви христианства,

¹ По мнению Ю.И. Микаэлян, карнавал вобрал в себя античную традицию зимних праздников, римских сатурналий, на которых «допускались многочисленные вольности и которые включали в себя, в том числе, ритуалы профанации общепринятых ценностей, уравнивания и даже инверсии всех иерархических отношений». Важно то, что «основной целью сатурналий было укрепление, путем контраста, установленного порядка» [Микаэлян, 2008].

в которой смеяться над священным категорически запрещено, и сам смех воспринимается как один из грехов [Аверинцев, 1993]. Интересна мысль С.С. Аверинцева, что «смех» и «свобода» в католицизме интегрируются в конвенциональную систему, «когда самое “нельзя” в силу особого формализованного разрешения на время обращается в “можно” – с такого-то по такое-то число» [Аверинцев, 1993, с. 343]. Смеховая культура находит свое место в канонической традиции в католицизме, в то время как в православии канон и смех максимально разведены.

Комическое необыкновенно актуально для испанцев также благодаря тому, что их культура пронизана барочным остроумием, поэтому все виды комического такие, как юмор, ирония, сарказм, вкладываются даже в уста святых. В испанской народной культуре священные сюжеты истолковываются в аспекте реальной жизни, поэтому изображаемым в фольклоре святым приписываются человеческие чувства и поведение, и они становятся героями сюжетов из повседневной жизни испанского крестьянина. Десакрализация священного в фольклоре, которая проявляется в разнообразии функций агиоантропонимов, – явление, которое представляет собой одну из уникальных особенностей испанской лингвокультуры.

Библиографический список / References

Аверинцев, 1993 – Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сб. к честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 341–345. [Averintsev S.S. Bakhtin and the Russian attitude to the laugh. *Ot mifa k literature: Sbornik k chest' 75-letija E.M. Meletinskogo*. Moscow, 1993. Pp. 341–345.]

Алефиренко, 2010 – Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: Учеб. пособие. М., 2010. [Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguo-culture: the semantics and the value sphere of language]. Moscow, 2010.]

Бугаева, 2010 – Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. [Bugaeva I.V. *Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya* [The orthodox language: the contemporary status and development trends]. Doct. dis. Moscow, 2010.]

Виноградов, 2010 – Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: Учебник. 3-е изд. М., 2010. [Vinogradov V.S. *Leksikologiya ispanskogo yazyka* [The lexicology of the Spanish language]. Moscow, 2010.]

Дяченко, 2012 – Дяченко А.С. Испанская саэта как лингвокультурный феномен: типологический и лингвостилистический анализ: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. [D'achenko A.S. *Ispanskaya saeta kak lingvokul'turnyi fenomen: tipologicheskii i lingvostilisticheskii analiz* [The Spanish saeta as a phenomenon of the lingvo-culture: the typological, stylistic and the language analysis]. PhD dis. Moscow, 2012.]

Ивин, 2004 – Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004. [Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar' [Philosophy: the encyclopedic dictionary]. A.A. Ivin (ed.). Moscow, 2004.]

ИРФС – Испанско-русский фразеологический словарь / Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А. и др.; Под ред. Э.И. Левинтовой. М., 1985. [Ispanko-russkii frazeologicheskii slovar' [The Spanish-Russian Dictionary of Idiomatic expressions]. Levintova E.I., Vol'f E.M., Movshovich N.A. et al. Levintova E.I. (ed.). Moscow, 1985.]

Лотман, 1996 – Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. [Lotman Iu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside of the thinking worlds. A human being – a text – the semiosphere – the history]. Moscow, 1996.]

Мельчакова, 2007 – Мельчакова Ю.С. Испанская национальная картина мира. Взаимодействие искусства и религии: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2007. [Mel'chakova Iu.S. Ispanskaia natsional'naia kartina mira. Vzaimodeistvie iskusstva i religii [The Spanish national world-view. The interaction between art and religion]. PhD theses. Ekaterinburg, 2007.]

Микаэлян, 2008 – Микаэлян Ю.И. К проблеме формирования ядра концепта «carnaval»: средневековые праздники Европы // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: Тезисы IV Международной конференции / Под ред. О.М. Мунгаловой, Ю.Л. Оболенской, С.М. Снетковой. М., 2008. [Mikaelian Iu.I. About the issue of the basis of the concept “carnaval”, i.e. about the holidays of the Middle Ages in Europe *Ibero-romanistika v sovremennom mire: nauchnaya paradigma i aktual'nye zadachi: Tezisy IV Mezhdunarodnoi konferentsii*. O.M. Mungalova, Yu.L. Obolenskaya, S.M. Snetkova (eds.). Moscow, 2008.]

Мороз, 2007 – Мороз А.Б. Народный календарь и квазиагиография // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 59–66. [Moroz A.B. The folk calendar and quasi-hagiography. *Voprosy onomastiki*. 2007. № 4. Pp. 59–66.]

Мороз, 2009 – Мороз А.Б. Святые русского севера. Народная агнография. М., 2009. [Moroz A.B. Svyatyie russkogo severa. Narodnaya agiografiya [The saints of the Russian North. The folk hagiography]. Moscow, 2009.]

Оболенская, 1980 – Оболенская Ю.Л. Каламбуры в произведениях Ф.М. Достоевского и их перевод на испанский язык // Тетради переводчика. 1980. № 17. С. 48–61. [Obolenskaya Yu.L. The puns in the novels of Fyodor Dostoyevsky and the translations to the Spanish language. *Tetrad perevodchika* 1980. № 17. Pp. 48–61.]

Оболенская, 2008 – Оболенская Ю.Л. Стилистические доминанты испанской речи как отражение особенностей менталитета и языкового сознания испанцев // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: Тезисы IV Международной конференции / Под ред. О.М. Мунгаловой, Ю.Л. Оболенской, С.М. Снетковой. М., 2008. [Obolenskaia Iu.L. Stylistic dominants of the Spanish discourse as a reflection of the peculiarities of mentality and linguistic consciousness of the Spanish people. *Ibero-romanistika v sovremennom mire: nauchnaya paradigma i aktual'nye zadachi: Tezisy IV Mezhdunarodnoi konferentsii*. O.M. Mungalova, Yu.L. Obolenskaya, S.M. Snetkova (eds.). Moscow, 2008.]

Тарасов, 2004 – Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–48. [Tarasov E.F. The linguistic consciousness. *Voprosy psikholingvistiki*. 2004. № 2. Pp. 34–48.]

Albaigés, 1998 – Albaigés J.M. Enciclopedia de los nombres propios: El Origen y significado de todos los nombres. Sus Diminutivos, sus derivados, sus anécdotas. Barcelona, 1998.

Ayuso de Vicente, 1990 – Ayuso de Vicente M.V. Diccionario de términos literarios. Madrid, 1990.

Bravo-Villasante, 1976 – Bravo-Villasante C. Una, dola, tela, catola: el libro del folklore infantil. Valladolid, 1976.

Buitrago, 2006 – Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. Espasa Calpe, S.A. Madrid, 2006.

Celdrán Gomariz, 2013 – Celdrán Gomariz P. Dichos, comparaciones y frases populares: Nuevo Diccionario de Comparaciones, Frases y Dichos populares. Cuenca, 2013.

Coplas – Coplas de San Blas 1987. URL: http://www.dmateos.com/San_Blas.htm (дата обращения: 15.07.2016).

Coplas y jotas – Coplas y jotas riojanas, recopiladas por Antonino M. Pérez Rodríguez. URL: <http://www.vallenajerilla.com/berceo/antoninoperez/coplasyjotas.htm> (дата обращения: 26.05.2017).

Diccionario – Diccionario de la Real Academia Española. 23ª edición. 2014. URL: <http://dle.rae.es> (дата обращения: 13.07.2016).

Iribarren, 1956 – Iribarren J.M. El porqué de los dichos: Sentido, origen y anécdota de los dichos, modismos y frases proverbiales en España: con otras muchas curiosidades. Madrid, 1956.

Junceda, 1998 – Junceda L. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. Espasa Calpe, S.A. Madrid, 1998.

Las coplas – Las coplas andaluzas. URL: <http://tomaflamenco.com/es/lyrics?page=349> (дата обращения: 26.05.2016).

Libertad – Libertad digital / la revista de España. Comentarios. URL: <http://www.libertaddigital.com/nacional/2011-12-27/el-rey-se-queja-de-que-se-vean-en-su-discurso-alusiones-a-inaki-urdangarin-1276445390/1.html> (дата обращения: 13.07.2016).

Los proverbios – Los proverbios. URL: <http://los-proverbios.com/eres-como-san-nicolas-me-lo-quitas-desp.html> (дата обращения: 13.07.2016).

Rodríguez Marín, 1883 – Rodríguez Marín F. Cantos populares españoles, recogidos, ordenados e ilustrados por Franciaco Rodríguez Marín. V. 4. Sevilla, 1883.

Статья поступила в редакцию 20.07.2016.

The article was received on 20.07.2016.

Лаврентьева Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Lavrentyeva Anastasia S. – post-graduate student of Ibero-Romance Linguistics Department of Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

E-mail: anastasia.lavrentyeva@mail.ru

И.В. Фуфаева

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

Сосуля, дева, сыроега.

Сдвиги коннотаций архаизмов
на примере русских слов,
вытесненных диминутивами

В статье рассматривается употребление в современном русском языке в качестве маркированных элементов ранее нейтральных существительных, таких, как *дева*, *хорь*, в разное время вытесненных экспрессивными диминутивами. У этих лексем развились различные стилистические и экспрессивные коннотации, что связано со снижением частотности слова и превращением его в необычную единицу, при этом маркированность выражается простым отсутствием суффикса, т.е. максимально экономно. Сдвиги коннотаций классифицированы по трем типам: «нейтральное → экспрессивное», «нейтральное → формальное», «нейтральное → стилистический архаизм». Сделан вывод о семантической предрасположенности слов к конкретному сдвигу коннотаций.

Ключевые слова: диминутив, замена, коннотация, маркированный, семантика, экспрессивный, архаизм, формальная лексика, обратная деривация, ласкательный, стилистика, ирония.

I.V. Fufaeva

Russian State University for the Humanities,
Moscow 125993, Russian Federation

Sosulja, deva, syroega.

Shifts in connotations:
a case study of Russian lexemes,
replaced by diminutives

The paper deals with the use of words that were replaced with expressive diminutives (such as a *deva* 'maiden', *hor* 'polecat', etc.), marked with respect to original items. These lexemes developed different stylistic and expressive

connotations after replacement. This results from the decrease in the frequency of the use of a word and its transformation to an irregular item. Moreover, just the lack of a suffix makes a word marked and this strategy is the most economical. The shifts in connotations are divided into three types: «neutral → expressive», «neutral → formal», «neutral → stylistic archaism». The conclusion is that the words are semantically predisposed to a specific change of connotations.

Key words: connotations, shift in connotation, archaisms, replacements, diminutives, expressive, semantics, endearment, means of expression of irony.

1. Введение

В современном русском языке некоторые существительные, вытесненные диминутивами, такие, как *дева*, *пуп*, *хорь*, *сыроега*, *малец*, *улитка*, употребляются как маркированные. Будучи вытесненными синонимами, они являются архаизмами по определению [Крысин, 2007, с. 135], однако на практике не все из них выполняют стилистическую функцию архаизмов и ощущаются таковыми. Варианты их использования и, соответственно, сдвиги коннотаций, разнообразны.

Замена нейтральных обозначений экспрессивными, затем утрачивающими экспрессию, – это универсальное языковое изменение [Серебренников, 1970, с. 138]. Его частным случаем являются замены диминутивами, ср. нар.-лат. *soliculum* «солнышко», фр. *soleil* 'солнце', нар.-лат. *avicellus* «птичка», ит. *uccello*, фр. *oiseau* «птица» [Там же, с. 139]. Подобные замены происходят и в русском языке на протяжении длительного времени, их исследование [Фуфаева, 2016] позволило, согласно определенным критериям, идентифицировать как бывшие экспрессивные диминутивы, ставшие в разные периоды нейтральными обозначениями, 140 лексем современного русского языка. Среди них больше всего обозначений природных объектов (58 лексем), преимущественно животных (напр., *зяблик*, *сверчок*, *мотылек*, *скворец*, *птица*, *ласточка*, *ищейка*, всего 34, из них 15 названий птиц). Кроме того, замены-диминутивы обозначают малые объекты из разных предметных областей (напр., *бородавка*, *крошка*, *крупинка*, *козявка*), еду, детали тела, внешности, невзрослых людей, детей; «низших» людей; родственников и некоторые другие объекты. Тенденция замен диминутивами устойчива, продолжается, начиная с общеславянского периода (см. *отец*, *сердце*, *солнце*, *яйцо*); в современном русском языке отражается в виде конкуренции пар лексем, близких по степени нейтральности: *чиж* – *чижик*, *ель* – *елка*, *дед* – *дедушка*, *сельдь* – *селедка* и пр.

Лексемы, вытесненные диминутивами, утрачивают роль нейтрального обозначения и становятся «лишними», после чего-либо полностью

исчезают из языка, как *зябел, ластка, внука, крупина, макуша, ищя, грудник*, либо развивают новые экспрессивные и стилистические коннотации. Сохранение либо исчезновение слова не связано с давностью вытеснения: *грудник* всего 50 лет назад зафиксировано в словаре Ожегова как единственный вариант при отсутствии *грудничок* [Ожегов, 1985], с тех пор ситуация стала обратной.

Бывшие экспрессивные диминутивы являются компонентами пар «нейтральное слово – диминутив», среди которых можно выделить:

1) живые пары, в которых чаще более формален и нейтрален первый компонент, но второй имеет сопоставимую величину вхождений хотя бы в устном Корпусе русского языка, как *чиж – чижик*;

2) «условно живые», в которых диминутивы являются стандартными обозначениями и доминантами ряда, а бывшие нейтральные слова в разной степени вытеснены, вплоть до окказионального употребления, как *пята – пятка*;

3) мертвые, как *ластка – ласточка*.

Между этими группами нет четких границ, в частности, из-за продолжающейся конкуренции компонентов пар.

К «живым» парам на основании корпусных данных отнесены *чиж – чижик, ель – елка, сельдь – селедка, морковь – морковка, картофель – картошка, редис – редиска, дед – дедушка, дочь – дочка, дворняга – дворняжка, еж – ежик, метель – метелица, кроха* (в двух значениях, прямо «малая частица» и переносом «маленькое существо, ребенок») – *крошка* (в двух значениях), к «условно живым» – *дева – девушка, пуп – пупок, зрак – зрачок, цвет* (‘цветок’) – *цветок, ветвь – ветка, чара – чарка, пята – пятка, малец – мальчик, лягуха – лягушка, сыроежка – сыроежка, улита – улитка, сосуля – сосулька, сарделька – сарделька, хорь – хорек*. Ряд первых компонентов этих пар употребляется как маркированные, в том числе с разными типами маркированности, например, возвышенное и ироническое, как *дева*. Кроме того, как маркированные употребляются *щен, птенец*. Это обратные дериваты от истинных диминутивов *щенок* и *птенец*, а не от ложных диминутивов, как *зонтик* от *зонтик* от голландск. *zonnedek*. *Щенок, щениться, щенная* (в письменных текстах впервые встречаются в XVII–XVIII вв.) образованы именно от производящей основы *щен-*, видимо, усеченной от др.-рус. *щяня*. *Птенец* > *пътеньць* образовано от производящей основы *пътен*. В историческом корреляте, древнерусском *пъя*, основа представлена в фонетическом варианте *пъя* (вследствие изменения сочетания гласной с носовым в закрытом слоге). Т.е. *щен* и *птен* имеют историческую основу, в отличие от обратных дериватов от ложных диминутивов.

Лишь некоторые типы маркированности вытесненных слов отражаются в словарях: *дева* (книжн. поэт.) [Ушаков, 1935], *лягуха* (пренебр.) [Викисловарь]. В частности, контекстно зависимая маркированность (ср. «Если же две пометы соединены союзом *и*, напр.: (устар. и ирон.), то это значит, что в одних контекстах слово употребляется как архаизм, а в других оно может придавать речи оттенок иронии» [Ожегов, 2006, с. 8]) из-за отставания словарей от развития языка не отражается в словарных пометах данных слов, например, отсутствуют указания на употребление *дева* как иронического или *лун* как формального в медицинских дискурсах. Поэтому современные коннотации определялись с помощью характерных контекстов, взятых из Национального корпуса русского языка и сети Интернет (социальные сети, реклама и пр.), содержащие средства выражения эмоций, иронии и пр. (например, лексическое обозначение эмоций: *умиляют, забавные*; экспрессивы: *чуть сердце не разорвалось* и т.д.).

Сдвиг коннотаций – частный случай семантического сдвига: «...semantics shifts... can be shifts in connotation, or changes in general meanings associated with a word» [Denham, Lobeck, 2012]. В эволюции рассматриваемой небольшой группы слов обнаружили три типа сдвигов коннотаций. Ниже они иллюстрируются примерами современного употребления, взятыми в сети Интернет. «Точкой отсчета» коннотативного статуса лексемы (до вытеснения) предполагается нейтральность, в ряде случаев подтверждаемая употреблением в старых литературных текстах.

2. Первый тип сдвига коннотаций: «нейтральное → экспрессивное»

Как уже говорилось, наиболее часто диминутивами заменяются в русском языке названия животных, детей, малых объектов и пр. Ряд вытесненных названий животных, переставших быть привычными элементами мира современного человека, например, *зябелъ, варакуша, кобыць, скворць, пълхъ, свергъкъ*, выбыли из языка. В других случаях прежние названия с похожей семантикой (природные объекты, дети, детеныши животных) используются как маркированные регулярно либо окказионально: *дворняга, малец, кроха, лягуха, сыроега, улитка, щен, птен*. Это связано с потребностью носителей языка в экспрессивных обозначениях их денотатов, которые продолжают вызывать эмоциональное отношение.

Диминутивы *птенец, щенок, лягушка, мальчик, улитка, сыроежка, дворняжка, крошка* в переносном значении ‘маленькое или юное существо, ребенок’ в разное время заменили в качестве стандартных

обозначений слова **ръте* (**пътя*¹), *щени*, *лягуха*², *мальць*, *улиа*, *сырогъ-га*³, *дворняга*, *кроха* в переносном значении. *Лягуха*, *малец* сейчас маркированы как экспрессивные, в отличие от бывших диминутивов *лягушка*, *мальчик*. *Крошка* в переносном значении сохраняет экспрессивность за счет метафоричности, но *кроха* в переносном значении в настоящее время более экспрессивно. *Дворняга* в словаре Ожегова [Ожегов, 1985] без помет содержится в одной статье с *дворняжка*, т.е. степень экспрессивности обоих компонентов на момент создания словаря 50 лет назад, видимо, была одинаковой. Сейчас *дворняга* воспринимается как более экспрессивное, а *дворняжка* – как нейтральное название беспородной собаки. *Сыроега* – экспрессивный окказионализм.

Приведем примеры современного употребления этих слов в социальных сетях. *Лягуха* как экспрессивное, шутовское:

- (1) *И правда же, лягухи забавные на обложке и взгляд выразительный, что у одной, что у другой.* (Интернет)

Кроха как ласкательное в эмоциональных дискурсах:

- (2) *...приходите с нами знакомиться, подарите дом чудесным крохам.* (Интернет)
- (3) *Эти чувства не описать, что я испытываю к этому крохе. Любить еще сильнее невозможно, наверное. Любимый мой шкодник..* (Интернет)
- (4) *А я наслаждаюсь приятными вашими отзывами, теплыми словами и красивыми гнездышками ваших крох.* (Интернет)
- (5) *Когда мама вернулась из поездки... эх... кроха моя любимая....* (Интернет)
- (6) *...моя кроха ринулась на проезжую часть и почесала в дальнее, прямо к проспекту, хорошо, что прохожие помогли поймать, а то не было бы у меня собаки, чуть сердце не разорвалось.* (Страшно спускать с поводка (форум любителей собак) (2007). НКРЯ).

¹ «укр. *потя*... Из праслав. **рътѣн-*, связанного со слав. <птица> (Mi. EW 269; Траутман, BSW 233)» [Фасмер, 1987].

² *лягушка* продолжает праслав. **lēgišьka*, которое является производным от **lēgixa*, в свою очередь, образованного от **lēga* «бедро, лягушка» [Трубачев, 1988].

³ См. *До устья продолжается прекрасной сосновой бор, в коем родится множество всяких грибов, как: козляк, боровик, подберезовик черной... сырогъга, опенок.* (Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787) [Словарь русского языка XVIII в.].

Сыроежка как пренебрежительное:

- (7) *Осенью только чуть подберезовики повылазили и все, больше ничего. Ну сыроежки.* (Интернет)

Дворняга с коннотациями нежности, жалости, пренебрежительности:

- (8) *Прочитал и плакал... мне 50... дома в квартире живут две спасённые дворняги... как дети...* (Интернет).

- (9) *Чтоб чесались везде, как последние дворняги* (Интернет).

Востребованность ласкательных обозначений в речи хозяев животных демонстрируется современным окказиональным использованием слов *птен*, *щен* и *улитка*. *Щен* в речи владельцев собак вышло за рамки окказионализма. Примеры современного ласкательного употребления *щен*, *птен* и *улитка*:

- (10) *Птен упал в супчик!!! У нас небольшая беда. Вчера вечером птен залетел в кастрюльку с варившимся там супчиком...*

Птен кушает, пьет воду, ходит, летает. У него лапки пострадали очень. (Интернет).

- (11) *Когда приходишь домой, щен выбегает и БЕЗУМНО радуется.* (Интернет)

- (12) *Меня лапы в основном умиляют, все время такие большие у щенков, как ботиночки.* (Интернет)

- (13) *Смотрю жалостливыми глазами на котиков и цветы. Улиты и бурунд спят, поэтому на них не смотрю.* (Интернет)

Вытесненные лексемы здесь как бы играют роль вытеснивших диминутивов, развивают их коннотации, и условно могут быть названы «обратными диминутивами». Налицо семантическая предрасположенность именно к такому сдвигу коннотаций: денотаты регулярно вызывают эмоции нежности, снисходительности, сострадания (животные), легкой пренебрежительности (сыроежка – «плохонький, но гриб»). После стирания экспрессии у диминутивов потребность в экспрессивных обозначениях данных значений сохранилась, либо, в отношении домашних питомцев, даже усилилась, и к ее удовлетворению привлекаются вытесненные слова.

Обратным диминутивом, хотя и с иной коннотацией, служит и *кроха* в прямом значении ‘малая частица’, вытесненное диминутивом *крошка*, ср. нейтральное *кроха* в первой половине XIX в.: *На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти* [Гоголь,

1957, с. 117]. На основании коннотаций современных диминутивов, образованных от нейтральных слов с семантикой «малая частица»: *капелька, секундочка, крошечка, пылиночка*, а именно – интенсивности (интенсивности малого размера, буквально: «всего лишь капля, секунда и пр.», ср. *на секундочку, ни пылиночки, еще капельку*), тенденции интенсивно обозначать размер и количество (ср. русские *уйма, пропасть, всего ничего, колоссальный, крохотный* и т.п.), можно предполагать аналогичные коннотации интенсивности в бывших диминутивах со значением «малая частица», таких, как *крошка*. Ср. в «Повести о взятии Азова» (XVII в.) *крошка* как интенсивное в драматическом стиле речи: *Примем завтра град Азовъ. ...и отдадим вас воров на муки лютыя и грозныя, раздробим всю плоть вашу разбойничю на дробные крошки* [Орлов, 1906]. Сейчас слово *крошка* нейтрально, и интенсификатором в драматическом стиле речи является *кроха* (наряду с диминутивом второй степени *крошечка*):

(14) *Голодные, одичавшие люди штурмуют магазины в надежде получить хоть кроху хлеба.* (Интернет)

3. Второй тип сдвига коннотаций: «нейтральное → формальное»

Данный сдвиг наблюдается в разной степени и минимален у слов, минимально «потесненных» диминутивами, таких, как *дед, чиж, ель, редис, дочь, сельдь* и т.д. Однако лишь *чиж*, а не *чижик*, *сельдь*, а не *селедка*, *ель*, а не *елка*, *редис*, а не *редиска*, *картофель*, а не *картошка* могут служить терминами, способными официально обозначать биологические таксоны либо виды сырья и продовольствия. Пример из официального классификатора видов продовольствия и сырья: *Филе сельди мало-соленой, Редис свежий, Картофель свежий и быстрозамороженный*¹.

Аналогично, лишь первые компоненты пар *дочь – дочка, дед – дедушка* могут служить формальными терминами родства в юридическом подязыке (что не означает их использования исключительно в данной сфере и функции).

Более серьезно «оттеснена» лексема *хорь*. В современном русском языке она используется лишь как элемент профессиональных подязыков: охотоведения, обработки меха, производства и продажи изделий из меха, а также иногда как название биологического таксона наряду с *хорек*.

¹ Классификатор (единая номенклатура) видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, используемых при организации питания в государственных учреждениях образования, здравоохранения и других учреждениях социальной сферы. URL: http://detnadzor.ru/docs/prod_klass.html (дата обращения: 1.12.2016).

- (15) *Мех черного хоря густой и пушистый, но по качеству и цене уступает меху лесной куницы. Удачно добывают хорей с помощью капканов или других самодельных ловушек.* (Интернет).

В XIX в. слово *хорь* употреблялось шире, ср. у Н.С. Лескова в книге «Детские годы» (1874): *Между тополями и темным забором была довольно глубокая заросшая травой канава, в которую я юркнул, как хорь, – и, упав на ее дно, лег лицом ниц к земле и заплакал* (НКРЯ).

Окказионально для передачи коннотаций солидности, принадлежности текста профессиональному языку используются и другие архаизмы, например, *пуп*:

- (16) *Боли в средней части живота (вокруг пупа) могут являться своеобразным сигналом, который нам подает тонкий кишечник....* (Интернет)

Как часть «языковой стратегии солидности» в рекламном тексте употреблено слово *сардель* вместо *сарделька*:

- (17) *Сардели с сыром – популярнейший продукт. Его отличительной особенностью является присутствие сыра твердых сортов. Это придает сарделям изысканный и необычный вкус.* (Интернет)

Здесь *сардель* может быть обратным дериватом, но это слово в значении «сарделька» (наряду с более частым значением «сардина») действительно зафиксировано в конце XVIII века: *Вынув мясо из отвару, наштиговать ветчиною и сарделями.* (Словарь Академии Российской. 1789–1794) [Словарь русского языка XVIII в.].

Самый яркий пример использования архаизма (или обратного деривата) в целях придания речи солидности, впрочем, вызвавший обратный эффект, – это знаменитое *сосуля*, употребленное в 2010 г. на заседании Правительства г. Санкт-Петербурга Валентиной Матвиенко, тогдашним губернатором Санкт-Петербурга:

- (18) *В XXI веке сбивать сосули ломami – это уже, извините меня, каменный век.* (Интернет)

Слово было воспринято как «смольнинский чиновный новояз» и подмена реальных действий канцеляритом в тот момент, когда от сосулек гибли люди, стало высмеиваться, ср. знаменитые стихи Павла Шاپшица «Срезают лазером сосули»¹, в которых комический эффект

¹ URL: <http://shaptchits.livejournal.com/4127.html?thread=11807#> (дата обращения: 1.10.2016).

создают именно обратные дериваты. *Сосуля* продолжает употребляться иронически:

(19) *Как там поребрики в парадных? Сосули уже висят?* (Интернет)

При этом *сосуля* – действительный архаизм, вытесненный диминутивом, слово также зафиксировано в XVIII в.: *<В пещере> висѣли разновидныя капи: иныя представляли большіе сосули, иныя над столбом стройной работы представляли балдахин.* (Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. (1771–1805) [Словарь русского языка XVIII в.]. Слово включено в первое издание «Словаря современного русского литературного языка» – академический нормативный толково-исторический словарь русского литературного языка (в 17 томах, выход с 1948 по 1965 гг.), об этом напомнила в ноябре 2016 г. старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН Елена Геккина, заявившая о том, что *сосуля* является редким, но нормативным словом, встречающимся и в художественной литературе, и производящим для стандартного *сосулька*¹.

Даже после лингвистического скандала *сосуля* изредка употребляется в рекламных текстах как более формальное:

(20) *Борьба с сосулями. В городках этот вопрос относится к компетенции коммунальных служб, а в личном доме с сосулями приходится биться без помощи других.* (Интернет)

4. Третий тип сдвига коннотаций: «нейтральное → возвышенное/ироническое»

Возвышенность – типичная маркированность архаизмов, ср. в русском языке *очи, лоно, муж* в значении ‘мужчина’. Часто на базе возвышенной коннотации развивается ироническая. В рассматриваемой лексике стилистическими архаизмами являются *вервь* (редкое), *ветвь, дева, зрак, пята, тропа, цвет* в значении ‘цветок’, *чара, чаши*. Их вытеснили бывшие диминутивы *веревка, ветка, зрачок, пятка, тропинка, цветок, чарка, чашка*. Как возвышенные в современной речи используются *дева* и *ветвь* (редко):

(21) *Прекрасная, аки юная чахоточная дева, природа северная.* (Интернет)

(22) *Изящная ветвь цветущего дерева придаст изысканности вашему интерьеру, а цветовая гамма, которую вы выберете самостоятельно, порадует вас и ваших близких.* (Интернет)

¹ URL: <https://baltika.fm/news/100683> (дата обращения: 1.10.2016).

Как иронические употребляются *дева* (часто), *пуп* и *зрак* (оказионально):

- (23) Среди зрителей очень много юных дев, стреляющих на телефоны со стразиками «себяшку-уточку». (Интернет)
- (24) Огромная белоснежная шевелюра с кудряшками, и такая же белоснежная борода до пупа.... (Интернет)
- (25) Вот он там и лежал, плевался только матерно и безумным зраком по сторонам водил. Ни фига успокоительное наше его не успокоило. (Интернет)

Также смотрите: современные иронические устойчивые выражения *духовно богатая дева*, *филологическая дева*, просторечные устойчивые словосочетания *рвать пуп*, *дышит мне в пуп* и т.д.

Ироническое использование архаизмов также связано с семантикой денотата. Синонимический ряд «девушка» регулярно пополняется новыми экспрессивными, в т.ч. насмешливыми обозначениями: *девица*, *деваха*, *дева*, *барышня*, *телка*, *телочка*. *Пуп* и *зрак* относятся к внешнему виду человека, т.е. к семантической сфере, активно востребующей экспрессивные обозначения, особенно уничижительные. Так, в русском языке слова *глаз*, *рот*, *губы* – по происхождению экспрессивные синонимы, вытеснившие *око*, *уста*, во французском такое же происхождение имеет *tête* «голова» [Маслов, 1987, с. 197, 200].

5. Развитие коннотаций вытесняемого слова в связи с изменением относительной частотности компонентов пары «нейтральное слово – диминутив»

До начала активной конкуренции экспрессивного диминутива с нейтральным словом коннотации компонентов пары должны быть аналогичны таковым у обычных современных пар, в которых диминутив употребляется существенно реже коррелята, например, *сестра* – *сестренка*, *собака* – *собачка*, *колбаса* – *колбаска*: нейтральное слово является немаркированным обозначением, диминутив – ласкательным, пренебрежительным и пр.

В ходе активной конкуренции компонентов пары их коннотации изменяются. У диминутива вследствие роста употребления постепенно стирается экспрессия (см. выше), и он становится нейтральным обозначением (напр., современные *сыроежка*, *девушка*), что исключает его использование как экспрессивного обозначения.

Вытесняемое нейтральное слово может либо исчезнуть из языка, либо остаться и приобрести маркированность. Первый вариант вероятен, если у носителей языка больше нет потребности в маркированном, в частности, экспрессивном обозначении самого понятия. Эта ситуация характерна для понятий/объектов, сейчас обозначаемых утратившими экспрессию диминутивами *яблчик, ласточка, кобчик, сверчок, рябчик, колтик, соня полчок, варакушка, сойка, пеночка* и пр. Современный носитель языка в своей жизни сталкивается с обозначаемыми животными, как правило, нечасто, они не вызывают эмоционального отношения и нужды в экспрессивных обозначениях.

Второй вариант вероятен, если понятие, обозначаемое обоими компонентами пары, остается в поле зрения носителей языка и требуется его маркированное обозначение: экспрессивное либо подчеркнуто формальное. Экспрессивное – если понятие эмоциогенно, вызывает умиление либо пренебрежение, удивление, насмешку, одобрение и пр. и потребность в соответствующем (ласкательном, пренебрежительном, интенсивном, ироничном и пр.) обозначении. Нетрудно заметить, что именно такие понятия/объекты (дети, питомцы и пр.) обозначаются утратившими экспрессию диминутивами *девушка, крошка, мальчик, дворяжка* и пр., и именно вытесненные ими слова – *дева, кроха, малец, дворяга* и т.д. – развили ту или иную экспрессию. Что касается подчеркнуто формального обозначения, то оно может играть роль маркера не-обыденности дискурса, его официальности, солидности, принадлежности к определенной профессиональной, корпоративной сфере. Сравните: *хорь* в профессиональных подъязыках, *сосуля* в «смольнинском чиновном» подъязыке, *сельдь, редис, картофель* в подъязыке товароведения и пр.

Возможность развития у вытесняемого слова маркированности возникает за счет того, что оно становится редким, необычным обозначением по сравнению с диминутивом – синонимом-конкурентом. Прежде всего это важно для экспрессивной лексики: «Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому необычное, свежее, выразительное» [Харченко, 1976, с. 21]. В.Н. Телия считал, что экспрессивность – это не-нейтральность, остранение, деавтоматизация, придающие речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением (высказыванием или целым тестом), усилен и тем самым выделен из общего потока [Телия, 1991]. Экспрессивные синонимы менее частотны, чем стандартные, сравните число вхождений экспрессивных и нейтральных синонимов в Национальный корпус русского языка: 89 – *дрыгнуть*, ср. 19308 – *спать*; 190 – *нестись*, ср. 9522 – *бежать*. Это относится и к вытесненным диминутивами словам: *кроха* – 50, *крошка* – 388; *лягуха* – 13, *лягушка* – 869 вхождений.

Для употребления слова в формализованном дискурсе большее значение, чем необычность, имеет освященная временем традиция, благодаря чему, в частности, в юридическом языке «застревают» полноценные архаизмы, сравните использование в качестве формального термина родства слово *бабка*, полностью устаревшее как стандартное обозначение матери родителя. Но играет роль и необычность единицы, в частности, меньшая характерность единицы для устной речи, подчеркивающая не-обыденность дискурса. Так, более формальное наречие *весьма* менее частотно по сравнению со стандартным *очень* (имеются в виду современные коннотации и частотность, поскольку и то, и другое динамически менялось): в Национальном корпусе русского языка, в подкорпусе текстов, созданных позднее 1990 г. (последние 25 лет), *весьма* – 16 556 вхождений, *очень* – 120 376 (на порядок больше). В устном корпусе разница еще ярче: *весьма* – 574 вхождения, *очень* – 37 417 (на 2 порядка больше). То же относится и к вытесненным диминутивами словам, развившим или развивающим формальную маркированность. В устном корпусе Национального корпуса русского языка *ель* – 12, *елка* – 43; *редис* – 0, *редиска* – 13; *картофель* – 25, *картошка* – 142; *сельдь* – 1, *селедка* – 32; *хорь* – 2 (в историческом фильме «Как царь Петр арапа женил» и фильме 1920-х гг.), *хорек* – 20; *дед* – 614, *дедушка* – 734 вхождения. Как видим, для разных пар разница в частотности проявляется в разной степени, максимально для *хорь*, *сельдь*, *редис*, минимально для *дед*, что отражает разные стадии процесса конкуренции диминутива и коррелята и развития коннотаций у последнего. Таким образом, и единицы, обретшие формальные коннотации, не только «освящены традицией», но и менее обычны в современной устной речи.

6. Выводы

1. Некоторые вытесненные диминутивами нейтральные существительные, а также обратные дериваты от диминутивов в современном русском языке употребляются как маркированные стилистически и экспрессивно обозначения тех же денотатов. Востребованность тех или иных маркированных обозначений конкретных объектов – ключевой фактор, влияющий на сохранение слов, вытесненных диминутивами. Если необходимо обозначать тот же самый объект, например, ласкательно или формально, то к удовлетворению этой потребности могут быть привлечены вытесненные лексемы.

2. Сдвиги коннотаций вытесненных лексем относятся к 3 типам: «нейтральное → экспрессивное» (коннотации ласкательности, шутливости, пренебрежения, интенсивности, близкие к тем, которые утрачены

диминутивами), «нейтральное → формальное» (научный или профессиональный термин, канцеляризм, коннотации официальности, солидности), «нейтральное → стилистический архаизм» (коннотации возвышенности и/или ироничности). Тип маркированности (сдвига коннотаций) связан с семантикой лексемы (деталь внешности, домашний питомец, «объект городского коммунального хозяйства» и пр.). Для некоторых объектов в языке могут быть востребованы формальные обозначения в качестве терминов, для других (в частности, домашних питомцев) – ласкательные или шуточные. Благодаря фундаментальному свойству языкового знака – его условности – в роли таковых могут быть использованы старые обозначения с новыми стилистическими и экспрессивными коннотациями.

3. Возможность использовать нейтральное слово как маркированную единицу связана с его частотностью, снижающейся по мере вытеснения слова диминутивом. Чем реже слово, тем оно необычнее. Для использования слова в качестве формального средства необычность является дополнительным фактором наряду с традиционностью.

Библиографический список / References

Викисловарь – Викисловарь. URL: (дата обращения: 1.11.2016) [Wikislovar'. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki>, accessed 1.11.2016.]

Гоголь, 1957 – Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1957. [Gogol' N.V. Mertynye dushi [Dead Souls]. Moscow, 1957.]

Крысин, 2007 – Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М., 2007. [Krysin L.P. Sovremennyy russkij jazyk. Leksicheskaja semantika. Leksikologija. Frazеologija. Leksikografija [Modern Russian language. Lexical Semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow, 2007.]

Маслов, 1987 – Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987. [Maslov Yu.S. Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to linguistics]. Moscow, 1987.]

Ожегов, 1985 – Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 17-е, стереотип. М., 1985. [Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian Language]. 17th ed. Moscow, 1985.]

Ожегов, 2006 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4 изд., дополн. М., 2006. [Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. 2nd ed. Moscow, 2006.]

Орлов, 1906 – Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906. [Orlov A. Istoricheskie i poeticheskie povesti ob Azove (Vzyatie 1637 g. i osadnoe sidenie 1641 g.) [Historical and poetic novel about Azov (The capture in 1637 and the siege of 1641). The texts]. Moscow, 1906.]

Серебренников, 1970 – Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1970. [Obshhee jazykoznanie. Formy sushhestvovaniya, funkcii, istoriya jazyka [General Linguistics. Forms of existence, function, history of language.]. Moscow, 1970.]

Словарь русского языка XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 1.10.2016). [Slovar' russkogo jazyka XVIII veka [Dictionary of 18th Century Russian]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>, accessed 1.10.2016].

Телия, 1991 – Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 36–67. [Telija V.N. Mechanisms of expressive coloration lingua geunits. *Chelovecheskij faktor v jazyke: Jazykovy emehanizmy ekspressivnosti*. Moscow, 1991. Pp. 36–67.]

Трубачев, 1988 – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1988. Вып. 15. [Jetimologicheskij slovar' slavyanskikh jazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic word corpus]. Issue 15. Moscow, 1988.]

Ушаков, 1935 – Толковый словарь / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935. [Tolkovyj slovar' [Dictionary]. D.N. Ushakov (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1935.]

Фасмер, 1987 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стрп. М., 1986–1987. Т. 1–4. Т. 3. [Vasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Russisches etymologisches Wörterbuch [Russian Etymological Dictionary]. Translated from German by Trubachyov O.N.). 2nded. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1987.]

Фуфаева, 2016 – Фуфаева И.В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 257–266. [Fufaeva I.V. Expansion of expressive diminutives in Russian. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2016. № 3. Pp. 257–266.]

Харченко, 1976 – Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 21–24. [Harchenko V.K. Differentiation estimated, imagery, expression and emotion in the semantics of the words. *Russkijy azyk v shkole*. 1976. № 3. Pp. 21–24.]

Denham, Lobeck, 2012 – Denham K., Lobeck A. Linguistics for Everyone: An Introduction. Second Edition. Cengage Learning, 2012.

Статья поступила в редакцию 1.11.2016

The article was received on 1.11.2016.

Фуфаева Ирина Владимировна – соискатель кафедры русского языка Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Fufaeva Irina V. – Postgraduate at the Departmen of Russian Language Linguistics Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: Iriel@inbox.ru

А.В. Тучинский

Белорусский государственный университет,
220030 г. Минск, Республика Беларусь

Технология обучения устному последовательному переводу безэквивалентной лексики французского языка в контексте реализации идей диалога культур

В статье описана разработанная и апробированная автором технология поэтапного формирования умений устного последовательного перевода безэквивалентной лексики французского языка, включающая предпереводческий и переводческий этапы. На каждом этапе предусмотрен комплекс коммуникативно-культуроведческих упражнений, в котором учтены типологические особенности безэквивалентной лексики французского языка в сопоставлении с русским/белорусским/английским языками.

Ключевые слова: профессиональная подготовка переводчиков, межкультурная профессионально-коммуникативная компетенция, методы и стратегии обучения, имитационно-моделирующие технологии в обучении переводчиков, ролевая игра при обучении устному последовательному переводу, творческие задания.

A.V. Tuchynski

Belarusian State University,
Minsk 220030, Republic of Belarus

Technology of oral consecutive translation teaching of untranslatable French lexical units in the context of the dialogue of cultures ideas

The article presents a structural description of the technique used in teaching oral consecutive translation of untranslatable French lexical units in the situation of subordinative bilingualism. It embraces two stages. Each stage presupposes a set of communicative-culturological exercises, in which the degree of similarity of corresponding French, Russian, Belarusian and English lexical units is taken into consideration.

Key words: professional training, intercultural professional communicative competence, methods and strategies of teaching, modeling and simulation technologies, role-playing game, creative tasks.

Существует несколько подходов к разработке комплекса упражнений по обучению устному последовательному переводу. Представители *лингвистического* подхода традиционно предлагают двухкомпонентный комплекс упражнений, включающий упражнения на перекодирование и собственно перевод [Кацнельсон, 1965; Комиссаров, 1973; Бархударов, 1975; Дж. Кэтфорд, 1978; Федоров, 1983]. Суть данного подхода применительно к переводу безэквивалентной лексики состоит в поиске, нахождении и выявлении лексических соответствий в родном и соизучаемых языках и их дальнейшем переводе. Недостаток данного подхода усматривается в недооценке этапа восприятия и понимания сообщения, включающего безэквивалентную лексику, что препятствует ее дальнейшему адекватному и эквивалентному переводу.

Сторонники *психолингвистического* подхода, ориентированного на когнитивный аспект перевода и связанные с ним речемыслительные процессы, выстраивают трехкомпонентный комплекс упражнений, в основу которого положены специфические механизмы восприятия, перекодирования и реализации внутренней программы в процессе перевода [Гальперин, 1977; Ермолович, 1979; Зимняя, 1989; Злобин, 2000].

Несмотря на то, что данный подход отражает три основных этапа процесса перевода, он, на наш взгляд, не в полной мере учитывает коммуникативную направленность образовательного процесса.

Сущность *коммуникативного* подхода состоит в учете коммуникативной ситуации, отражаемой в текстах, функционирующих в разной языковой и культурной среде. Задания в этом случае носят коммуникативную направленность [Чернов, 1987; Миньяр-Белоручев, 1996; Пасов, 1998]. Достоинством данного подхода является учет лингвистических и экстралингвистических условий реализации переводческой деятельности в конкретном фрагменте реальной действительности. Однако данный подход не ориентирован на решение конкретных трудностей перевода безэквивалентной лексики, для которой характерно несовпадение культурных концептов в сравниваемых языках.

Последователи *культуроведческого* подхода приоритетными считают восприятие и оценку иной картины мира. Они доказывают, что проблемы, связанные с наличием в каждой культуре своих артефактов, чуждых и малопонятных другим культурам, в процессе межкультурной коммуникации могут быть преодолены как путем приравнивания эквивалентных элементов исходного языка и языка перевода, так и с помощью различных способов передачи артефактов иной культуры [Библер, 1989; Макаров, 1998; Верещагин, 1999; Костомаров, 1999; Тарасов, 2000; Маслова, 2001; Сысоев, 2001; Ладос, 2003; Вартанов, 2004]. Структурированные подобным образом упражнения, будучи направленными на выявление различий родной и соизучаемых культур, определение уровня этих различий, содержат задания на формирование фоновых знаний о речеповеденческой культуре, навыков и умений переводческой деятельности. При этом не учитываются достоинства коммуникативной направленности процесса обучения переводу безэквивалентной лексики.

Наиболее перспективным является, на наш взгляд, тот подход, в котором органично сочетаются, с одной стороны, коммуникативная составляющая предметной ситуации, а с другой – те элементы, которые детерминируют ее национально-культурную специфику. Именно поэтому обучение переводу безэквивалентной лексики, каждая единица которой в силу своей уникальности является, по сути, отражением факта истории и культуры, целесообразно осуществлять на основе коммуникативно-культуроведческого подхода.

Исходя из специфики процесса перевода безэквивалентной лексики, особенностей формирования переводческих навыков и умений в условиях субординативного мультилингвизма, а также методических принципов коммуникативно-культуроведческого подхода, нами разработан

комплекс *культуроведчески ориентированных коммуникативных упражнений*, в основу которого были положены следующие критерии:

- 1) поэтапное формирование умений устного последовательного перевода;
- 2) учет особенностей структуры и содержания устного последовательного перевода как особого вида речевой деятельности в образовательном процессе;
- 3) учет при выборе типов и видов упражнений типологических особенностей изучаемой безэквивалентной лексики в условиях субординативного мультилингвизма;
- 4) обучение устному последовательному переводу безэквивалентной лексики в контексте реализации идей диалога культур.

Сформированность у обучающихся навыков идентификации себя с носителями иного лингвосоциокультурного кода достигается в процессе поэтапного овладения культурно-языковым кодом соизучаемого языка. Речь идет не просто о механическом накоплении культурно-языковых знаний, а о трансформации кодов, выражающейся в формировании устойчивой связи между внутренним универсально-предметным кодом и новым «внешним» кодом, которым личность будущего переводчика овладевает для полноценного участия в межкультурном общении. Пока не сформирована эта связь, используемый этой личностью код остается дословным переводом, а выбор лексических средств и грамматических конструкций не обеспечивает адекватное выражение коммуникативной интенции отправителя сообщения.

Принимая во внимание то обстоятельство, что успешность переводческой деятельности в значительной степени обусловлена уровнем владения переводчиком иноязычной речью на языке перевода, целесообразно выделить два этапа в формировании переводческих умений: *предпереводческий* и *переводческий*. *Предпереводческий* этап рассматривается нами как этап формирования речевых лексических навыков употребления безэквивалентной лексики в речи будущего переводчика. Он позволяет обеспечить глубокое и осознанное понимание и усвоение ее культуроведческой составляющей, создавая тем самым необходимые условия и предпосылки для овладения умениями перевода. С другой стороны, точность, адекватность и эквивалентность перевода достигаются при условии владения будущим переводчиком собственно переводческими умениями. На этом основании предусматривается собственно *переводческий* этап. Соответственно, комплекс культуроведчески ориентированных коммуникативных упражнений для обучения устному последовательному переводу включает предпереводческий и переводческий типы упражнений.

Предпереводческие упражнения нацелены на формирование речевых лексических навыков употребления безэквивалентной лексики в речи будущего переводчика и включают два вида упражнений: ознакомительно-культуроведческие и тренировочно-культуроведческие. Основной задачей ознакомительно-культуроведческих упражнений является восприятие и осмысление информации о фактах культуры, получивших отражение в безэквивалентной лексике. Поскольку соответствующие культурные концепты могут полностью отсутствовать либо иметь частичное совпадение в родном и соизучаемых языках обучающихся, нами включены следующие подвиды ознакомительно-культуроведческих упражнений: *категоризирующие* (блок А) – для введения абсолютных мотивированных единиц безэквивалентной лексики и *аналитические* (блок Б) – для введения относительных мотивированных единиц безэквивалентной лексики.

Категоризирующие упражнения предназначены для формирования страноведческих знаний, способствующих глубинному пониманию и осмыслению абсолютных мотивированных реалий. Раскрытие семантики безэквивалентной лексики связано в таком случае с описанием традиций и обычаев, отсутствующих в родной культуре студентов, что осуществляется посредством дефиниции, толкования и описательного перевода.

Культурный компонент семантики безэквивалентной лексики французского языка, которая не имеет однозначного устоявшегося эквивалента в языке перевода, может быть раскрыт посредством *дефиниции*, под которой традиционно понимают объяснение, определение слова, понятия или предмета. Дефиниция характеризует способ обнаружения данного предмета, разъясняя значение слова и указывая границы его употребления, а также характеризует сущность определяемого предмета, описывая его наглядно и по возможности всесторонне, указывая при этом на происхождение предмета и, в случае необходимости, способ его образования. Применение этого способа семантизации безэквивалентной лексики предполагает определенный уровень знаний лексических единиц, с помощью которых дается определение абсолютной реалии. При этом учитываются происхождение, наличие/отсутствие конкретных исторических и культурно обусловленных причин, послуживших основой появления безэквивалентной лексики (абсолютных мотивированных реалий). При помощи дефиниции семантизируются абсолютные мотивированные реалии второго иностранного языка, поэтому для лучшего погружения обучающихся в среду французской жизни и культуры дефиниция используется в сочетании с визуальной наглядностью. Например, для презентации лексической единицы *fleur de lys* студентам предлагается следующее упражнение:

«Lisez la définition de la realia *fleur de lys* qui est relative à la vie et à la culture françaises. Essayez de comprendre le sens de cette *realia*.

La fleur de lys (ou fleur de lis) est un meuble héraldique, c'est l'une des quatre figures les plus populaires avec les multiples croix, l'aigle et le lion. Elle est habituellement classée parmi les figures naturelles. Symbole marial préhéraldique, elle est devenue à partir du Moyen Âge, d'or sur champ d'azur, l'emblème de la royauté française. Il s'agit également de l'un des plus anciens emblèmes au monde (fleur de lys).»

Толкование соответствующего культурного концепта на иностранном языке подразумевает объяснение значения лексической единицы с помощью пояснительного текста, заключающего в себе описание необходимого понятия. Толкование, отличающееся от дефиниции меньшей строгостью построения, позволяет обучающимся при помощи описания понять культурный концепт, значение которого они не знают. В этом случае презентация культурного концепта, передаваемого абсолютной реалией, позволяет однозначно представить семантику новой лексической единицы, что также имеет место в случае семантизации абсолютных мотивированных реалий в сочетании с визуальной наглядностью. Например, абсолютную реалию *Quai d'Orsay* целесообразно ввести посредством толкования с использованием видеоклипа:

«Maintenant nous voyons le *Quai d'Orsay* (rive gauche). «Le Quai», en France, est le petit nom d'amitié de la diplomatie. C'est pour ça que le Quai d'Orsay signifie 'le Ministère des affaires étrangères de France'».

Культурный компонент семантики абсолютных реалий может быть раскрыт с использованием *описательного перевода*, суть которого заключается в раскрытии значения исходной единицы с помощью развернутого описания. «Нет такого слова, — отмечает А.В. Федоров, — которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространенным сочетанием слов данного языка» [Федоров, 1983, с. 154]. С. Влахов и С. Флорин подчеркивают, что такой перевод «нередко является по существу переводом не самой единицы, обозначающей реалию, а ее толкованием» [Влахов, Флорин, 1986, с. 103–104]. Он позволяет, однако, достичь высокой степени понятности для реципиента при достаточно высокой точности: *кисель* ‘gelée de fruits’, *армяк* ‘vêtement en grosse laine’. Описание (в данном случае достаточно развернутое) дается непосредственно в тексте. М.Л. Вайсбурд отмечает, что объяснение реалий внутри самого текста имеет огромное преимущество перед другими видами объяснения, т.к. в этом случае пояснения «органически вплетаются в ткань текста» [Вайсбурд, 1972, с. 100]. Данный вид семантизации используется нами в случае трансляции абсолютных немотивированных реалий.

В отличие от дефиниции и толкования, описательный перевод нередко требует значительных синтаксических изменений исходного текста: перестройки предложений, иногда их объединения, в результате чего при анализе перевода не всегда удастся установить прямое соответствие между реалией языка оригинала и ее объемом в языке перевода. Особое внимание при описательном переводе необходимо уделять проблеме возможного несовпадения коннотаций между исходной единицей и ее переводом. Достоинством описательного (иногда – разъяснительного) перевода является наиболее полное раскрытие значения безэквивалентной лексики, в которой заключена культурная информация, что требует от переводчика глубокого проникновения в суть описываемых явлений и знания реалий. Описательный перевод нередко сочетается с обобщением, когда нечто специфическое, конкретное в переводе представляется обобщенно: конкретное, специфическое при этом опускается или, иначе говоря, узкое понятие о реалии заменяется более широким понятием.

С целью уточнения понимания будущим переводчиком особенностей безэквивалентной лексики, передающей абсолютные реалии, ее презентацию целесообразно осуществлять с использованием экстралингвистических средств. Для создания необходимых предпосылок погружения в социокультурно-языковую среду и осознания специфики безэквивалентной лексики как в аудиторной, так и в ходе самостоятельной работы студентов в качестве экстралингвистических средств представления фактов культуры предпочтение целесообразно отдавать аудиовизуальной наглядности: видео-, аудиоматериалам, аутентичному раздаточному материалу, наглядности веб-страниц. Являясь фрагментами иноязычного социокультурного контекста, обозначенные виды наглядности позволяют демонстрировать особенности семантики абсолютных реалий. В этом случае знакомые образы предметного мира ведут мысль обучающихся, помогая раскрыть содержание передаваемой информации. Используя контекстуальную догадку, которая основана на понимании общего содержания речевой ситуации и осознании фактов культуры, обучающиеся способны понять значение лексической единицы.

Аутентичные видеофрагменты в силу своей специфики (выразительность зрительно-слуховых образов, динамизм зрительного ряда, ярко выраженный этнокультурный контекст, многоплановость и достоверность информации) отражают образ и стиль жизни французского культурного сообщества и способствуют становлению в сознании обучающихся общей картины мира французского социума. Работа с видео рядом на этапе презентации абсолютных реалий не ограничивается видеосемантизацией звучащей речи. Актуализация внимания студентов на национально-культурной специфике данного явления, передаваемого

видеорядом, и одновременное восприятие звукового образа лексической единицы, за которой стоит реалья, помогает обучающимся осознать и понять специфику национального менталитета французов при обозначении конкретных фактов культуры.

Аналитические упражнения (блок Б) необходимы для формирования лингвострановедческих знаний о степени сходства/различия в объеме значений безэквивалентной лексики и осмысления ее семантики для адекватного употребления ее относительных мотивированных единиц. Особенность данных упражнений, направленных на презентацию относительных единиц безэквивалентной лексики, состоит в создании необходимых условий для извлечения информации о культуре страны соизучаемого языка из национально-культурного компонента семантики лексической единицы для ее последующего сличения со значением аналогичной единицы в родном и первом иностранном языках. Они ориентированы таким образом на выяснение тождества/различия национально-культурного компонента семантики безэквивалентной лексики в лексиконе коммуникантов – представителей разных языков и культур и уточнение их образных представлений. В нашем случае они связаны также с определением объема значений лексических единиц в ее сопоставлении с аналогичной в родной культуре и культуре первого иностранного языка.

Если при ознакомлении с абсолютными реальями предпочтение отдавалось экстралингвистической наглядности, то в случае презентации относительной безэквивалентной лексики большее значение мы придаем ее контекстуальному объяснению в коммуникативно значимых ситуациях, что позволяет раскрыть значение лексических единиц и проиллюстрировать типичную для ее употребления ситуацию. При введении относительной безэквивалентной лексики для осмысления базовых концептов французской культуры и переосмысления базовых концептов славянской культуры предпочтение следует отдавать лингвистической наглядности, т.е. текстовому материалу лингвострановедческого характера и лингвострановедческим комментариям. При таком подходе к организации учебного материала обучающиеся могут не только распознать, правильно понять и осмыслить значение относительной безэквивалентной лексики, развить языковую догадку, но и в дальнейшем правильно транслировать ее на языке перевода. Кроме того, использование контекста стимулирует мотивацию обучающихся, создавая опоры для запоминания и усиливая необходимые ассоциативные связи. Использование ситуаций обеспечивает раскрытие значений относительной безэквивалентной лексики, репрезентирующей в менталитете французского и славянских народов. Кроме того, подобные ситуации

обеспечивают дифференциацию культурных универсалий, которая позволяет проиллюстрировать специфику иной культуры и предвидеть случаи непонимания для устранения (предвосхищения случаев) коммуникативных сбоев.

Сравнение выступает как способ познания мира, как способ закрепления результатов этого познания в процессе овладения культурным компонентом семантики частично совпадающей безэквивалентной лексики. Культурный компонент семантики безэквивалентной лексики раскрывается в результате сравнения и установления семантических соответствий культурных концептов в родном и соизучаемых языках. Именно сравнение, в основе которого лежит идентификация или различение (дифференциация), способствует раскрытию специфики менталитетов и духовной культуры белорусского, русского, французского и английского народов.

Идентификация предполагает сличение двух объектов или сличение воспринимаемого объекта с эталоном, записанным в памяти, и установление их тождества. Итогом идентификации является определение степени совпадения, идентичности объектов по совокупности их сходных (совпадающих) признаков. Данный вид семантизации безэквивалентной лексики мы используем при трансляции относительных мотивированных реалий.

Дифференциация состоит в различении объемов значений лексических единиц, выявлении и присвоении отличительных признаков культурных концептов, их приобретенных специфических черт (в случае перевода относительных немотивированных реалий). Результатом дифференциации является установление взаимосвязей между объемами значений безэквивалентной лексики в сравниваемых языках:

«Reliez les images aux termes qualifiant les realia relatives à la vie et à la culture françaises. (Соотнесите картинки с названиями реалий французской жизни и культуры, подходящими по значению.)»

Упражнения блока Б позволяют студентам осуществлять поиск необходимой культуроведческой информации для ее последующего сопоставления в родном и соизучаемых языках и культурах, что, в конечном итоге, раскроет сущность культурного концепта, особенности менталитета народа соизучаемого языка, обусловившие использование данной лексики. Например, для обеспечения понимания студентами значений относительной безэквивалентной лексики по теме «Традиционная французская кухня» обучающимся может быть предложена ситуация, в которой сравниваются концепты русской, белорусской и французской культур, позволяющие студенту осознать культуроведческую информацию, заложенную в семантике данных лексических единиц. Например:

«По-видимому, Вы обращали внимание на то, что многие блюда французской кухни схожи с блюдами, которые принято подавать на стол в Беларуси и России. Какие из них Вы можете назвать? Посмотрите на схему и отметьте те, которые, на Ваш взгляд, имеют значительное сходство с белорусскими и русскими блюдами.»

При работе с относительной безэквивалентной лексикой французской культуры по отношению к английской (шире – англосаксонской) культуре целесообразно сделать акцент на их различии. Например, для выявления отличительных черт относительной французской единицы *agonie* по отношению к английскому языку и культуре студентам предлагается следующее задание:

«Прочтите следующие словарные статьи на французском и английском языках, в которых присутствует лексическая единица *agonie/agonu*. Определите отличия в их значениях во французском и английском языках:

L'agonie est le dernier combat de la nature contre la mort. C'est l'état d'un être vivant, qui lutte pour ne pas mourir, lutte sans espoir pour laquelle l'issue fatale est déjà inévitable. Elle est décrite, dans le judaïsme, comme "une personne dont la mort semble proche et inéluctable: sa respiration devient difficile, bruyante, entrecoupée de râles, son nez est pincé, son corps est couvert de sueurs froides, ses extrémités sont froides, et son regard s'éloigne.

Pain, anguish, or struggle, especially the struggle that precedes death, from the Greek word agonia "struggle, competition".»

Тренировочно-культуроведческие упражнения предполагают выбор единиц безэквивалентной лексики в конкретном контексте и их комбинирование с другими лексическими единицами в зависимости от конкретной коммуникативной задачи и ситуации. У будущего переводчика должны быть сформированы и доведены до автоматизма механизмы выбора лексических единиц и их комбинирования в связном высказывании, т.к. в переводческой практике довольно часто приходится получать так называемый инвариант перевода, под которым подразумевается то единственное, что остается неизменным во всех вариантах перевода – функция текста, соответствующая коммуникативной интенции отправителя сообщения. В процессе перевода текста, включающего безэквивалентную лексику, возникают трудности, связанные с выбором адекватного эквивалента перевода из-за различий в объеме значений культурных концептов, что требует сформированности речевых лексических навыков в процессе обучения.

Нами выделено два подвида тренировочно-культуроведческих упражнений: *комбинирующие* (блок А) – для тренировки абсолютных единиц безэквивалентной лексики и *дифференцировочные* (блок Б) – для тренировки относительных единиц безэквивалентной лексики.

Формирование навыка употребления как абсолютной, так и относительной безэквивалентной лексики предполагает овладение ее сочетаемостью с другими лексическими единицами. В обоих случаях необходимы *подстановочные* упражнения, обеспечивающие автоматизацию навыка употребления безэквивалентной лексики в речевом образце посредством замены слова или словосочетания:

«Заполните пропуски в инструкции по приготовлению соуса *пуаврад*. Недостающие фрагменты информации Вы найдете на полях.»

Кроме того, тренировочно-культуроведческие упражнения для формирования речевых навыков употребления абсолютных реалий включают страноведческий комментарий как один из видов комбинирующих упражнений. *Страноведческий комментарий* представляет собой совокупность знаний энциклопедического характера о реалии (факте культуры), за которым стоят сведения о времени, культуре, быте, приметах, предрассудках, привычках, обычаях, приписываемых данному лингвокультурному сообществу. В этом смысле страноведческий комментарий имеет, помимо общефилологического, социокультурный характер. Используемый при трансляции абсолютных мотивированных реалий страноведческий комментарий раскрывает специфические национальные, политические, культурно-бытовые или иные коннотации реалий. Например:

«Une délégation du Conseil municipal de Minsk se rend dans la ville de Lyon. Le maire accueille cette délégation à la mairie. Une discussion s'engage sur les grandes étapes de l'histoire de la France et du Bélarus, le rôle des facteurs objectifs et subjectifs dans l'histoire, la formation et le développement des Etats nationaux. Le discours du maire de Lyon regorge de concepts propres à la vie et à la culture française. Faites en le relevé. (Делегация Минского городского исполнительного комитета прибывает в г. Лион. В городской ратуше белорусских гостей приветствует мэр города. Беседа касается закономерностей исторического развития Франции и Республики Беларусь, роли объективных и субъективных факторов в истории, формировании и развитии наций и национальных государств. Прослушайте речь мэра г. Лиона, которая изобилует реалиями французской жизни и культуры. Назовите и прокомментируйте услышанные в речи мэра реалии.)»

Использование зрительной наглядности в сочетании со слуховой опорой страноведческого характера создает необходимые условия и предпосылки для построения собственного высказывания, поскольку содержание того, о чем следует сказать, задано художественно-изобразительными средствами наглядности, и студент может сосредоточиться на том, как в условиях ограниченного времени оформить свою мысль средствами изучаемого иностранного языка. Например:

«Vous rentrez d'un voyage en France, durant lequel vous avez assisté à des célébrations solennelles organisées en l'honneur de la Fête Nationale du 14 juillet. Vos amis vous demandent de leur raconter cet événement, en expliquant des faits concernant la vie et la culture françaises. (Вы только что вернулись из Франции, где присутствовали на торжественных мероприятиях по поводу национального Дня независимости 14 июля. Ваши друзья просят Вас рассказать об этом событии, объясняя факты французской жизни и культуры.)»

Актуализация и систематизация знаний о фактах родной культуры, отражаемых абсолютными реалиями русского (белорусского) языка и культуры, также предполагает умение представить описание этих фактов посредством комментария на языке перевода. Поэтому факты родной культуры могут быть интерпретированы при помощи страноведческого комментария, подразумевающего разъяснение абсолютных реалий и особенностей отражения в них национальной культуры.

Упражнения на *выбор* предназначены для дальнейшей дифференциации значений относительной безэквивалентной лексики в связном контексте, различения ее коннотаций и фона в речевых ситуациях страноведческого характера, выбор адекватной лексической единицы в конкретной ситуации межкультурного общения. В качестве вариантов для выбора предлагаются близкие по значению лексические единицы в родном и первом иностранном языках. Например: «Choisissez une variante de traduction adéquate pour les unités lexicales suivantes. (Выберите адекватный вариант перевода.)

1. *Пельмени*:

- a) pelmenis;
- b) ravioli;
- c) sorte de ravioli russes.

2. *Пирожки*:

- a) petits pâtés;
- b) petits pâtés farcis;
- c) pirojki;
- d) sorte de petits pâtés farcis de viande, de légumes, de pommes etc.

3. *Каша*:

- a) kacha;
- b) plat populaire russe;
- c) plat populaire russe à base de bouillie de sarrasin, de millet etc.»

Упражнения, ориентированные на *классификацию* реалий, имеют своей целью выделение дифференциальных черт в сравниваемых языках, сопоставление культурных концептов и группировку безэквивалентной лексики в соответствии с обозначенными концептами. Данная

разновидность упражнений используется в случае тренировки относительных немотивированных реалий. Например:

«Ecoutez le dialogue dont vous allez ensuite recevoir la traduction. Relevez-y les termes propres à la vie en France. A quel groupe de termes spécifiques les rattachez-vous ? Existe-t-il des plats comparables dans la cuisine slave ? (Прослушайте диалог, включающий безэквивалентную лексику, который в дальнейшем Вам нужно будет перевести. Назовите реалии французской жизни, присутствующие в данном диалоге. Определите, к какой группе реалий Вы их отнесете? Скажите, находят ли данные блюда соответствия в традиционной славянской кухне.)»

В группу дифференцировочных упражнений также включены упражнения на *лингвострановедческий комментарий*. В отличие от реалий блока А, совершенствование навыков употребления безэквивалентной лексики блока Б предполагает проведение аналогий или противопоставление семантических признаков культурных концептов в сравниваемых языках, что способствуют большей осознанности студентами значения, роли и места безэквивалентной лексики в контексте. Например:

«Au cours d'une rencontre avec une délégation biélorusse, le maire de la ville de Lyon fait remarquer qu'il a été membre de la Résistance à une certaine époque. C'est alors seulement, en se retrouvant aux côtés des alliés, qu'il avait pu comprendre le sens du concept de patrie dans l'esprit des Russes et des Biélorusses. A votre avis, qu'est-ce qui avait pu frapper à ce point ce Français? (В ходе встречи с белорусской делегацией мэр г. Лиона заметил, что в свое время участвовал в движении Сопrotивления. Только тогда, находясь на стороне союзников, он сумел понять и оценить, что на самом деле для белоруса и русского означает концепт "родина". Как Вы думаете, что так поразило француза?)»

Представленная методика обучения усвоению безэквивалентной лексики на предпереводческом этапе носит дифференцированный характер. В случае абсолютной безэквивалентной лексики должны быть актуализированы упражнения группы А: способ номинирования культурных концептов французской жизни и культуры, будучи единицей коллективного знания, имеющей языковое выражение и этнокультурную специфику и фиксирующей содержание и ценность национальной картины мира французской нации, был неизвестен обучающимся. Поэтому вначале должны быть актуализированы сведения о культурном концепте, через который студенты имеют возможность понять и осознать универсальные и специфические особенности сознания и культуры представителя французской лингвокультурной общности.

В отличие от французских, реалии славянской жизни хорошо известны обучающимся. Однако, будучи усвоенными на подсознательном

уровне, реалии родного языка и родной культуры, традиционно воспринимаемые как нечто само собой разумеющееся, в случае трансляции на иностранный язык также представляют собой значительные трудности: то, что казалось прежде понятным и само собой разумеющимся для всех участников межкультурной коммуникации, оказывается на самом деле труднодоступным для восприятия представителями французского языка и французской культуры, что в условиях устного последовательного перевода в значительной мере осложняет переводческую задачу. Таким образом, абсолютные реалии славянской жизни также должны быть актуализированы в сознании обучающихся.

Вследствие сложности переводческой деятельности, предпосылкой успешного перевода является адекватное восприятие и понимание переводчиком устного сообщения, в том числе содержащейся в нем безэквивалентной лексики, ее перекодирование на языке перевода. Завершающим этапом переводческой деятельности является этап передачи содержания сообщения на языке перевода, что требует развития переводческих умений. Соответственно, *собственно переводческие* упражнения моделируют этапы переводческой деятельности: восприятие и понимание (анализ и оценка коммуникативной ситуации) исходного речевого сообщения; семантическое и грамматическое перекодирование (переход с одного языкового кода к другому); собственно перевод.

Учитывая то обстоятельство, что адекватный перевод в значительной степени обусловлен наличием языковых и культуроведческих соответствий в сопоставляемых языках, для смысловой обработки устного сообщения, содержащего безэквивалентную лексику, формирования ментального представления у будущего переводчика о событии или факте культуры необходимо предусмотреть выполнение рецептивных упражнений: *прогностических* и *компрессирующих*.

Поскольку переводчику приходится по первым услышанным словам и фразам прогнозировать содержание всего предстоящего сообщения, задания *прогностических* упражнений имеют установку на предвосхищение фактов культуры, представленных в сообщении, передаваемых безэквивалентной лексикой, а также на формулирование общей гипотезы о содержании всего высказывания. Кроме того, прогностические упражнения используются с целью тренировки механизма вероятностного прогнозирования у будущих переводчиков. Известно, что адекватное восприятие текста во многом определяется именно этим механизмом, что предполагает оперативный выбор решения из целого ряда гипотез, в том числе – в отношении используемых говорящим лексических и грамматических средств. При выполнении этих упражнений студенты учатся предвосхищать языковой и речевой материал, который

будет использован говорящим, с целью полного и точного понимания его коммуникативного намерения. Для решения этой задачи выполняются упражнения, направленные на формирование у студентов умения идентифицировать услышанный текст как продукт речетворчества носителя языка с присутствующими в этом тексте единицами безэквивалентной лексики, превосходящая тем самым содержание будущего сообщения:

«Voici la transcription du discours du Président français en Normandie, lors des célébrations officielles de l'anniversaire du début de l'opération "Overlord", le débarquement des alliés, cette ouverture du "deuxième front" lors de la seconde guerre mondiale. Des "blancs" ont été laissés dans le texte. Lisez le texte rapidement et remplissez les parties manquantes par des mots et des expressions pouvant sémantiquement convenir. (Вам предлагается печатный текст выступления Президента Франции в Нормандии, где торжественно отмечали годовщину начала операции «Оверлорд» – высадки союзников, открытия «второго фронта» во Второй мировой войне. В тексте присутствуют пробелы. Прочитайте текст в быстром темпе, заполняя пропуски подходящими по смыслу словами и выражениями. Старайтесь не допускать пауз в речи. Затем восстановите по памяти текст на французском языке.);

Voici un enregistrement vidéo du discours de VP à Londres lors de sa rencontre avec le premier ministre britannique David Cameron pour la remise des décorations d'Etat aux vétérans des convois du nord. Certains fragments de la vidéo sont manquants. Répétez les propositions en écho en rajoutant dans les pauses les mots et les expressions pouvant sémantiquement convenir. Remplacez le texte en Russe et ensuite en Français. (Вам предлагается видеозапись выступления Владимира Путина в Лондоне в ходе встречи с Премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном во время вручения государственных наград ветеранам – участникам северных конвоев. В видеозаписи отсутствуют отдельные фрагменты. Проговаривайте высказывание в виде эхо-повтора, вставляя в паузах подходящие по смыслу слова и выражения. Восстановите текст по памяти на иностранном языке, затем – на языке перевода.)»

Доказано, что не существует такого дословного переводческого соответствия, которое было бы абсолютно точным в смысловом отношении: никакой перевод не может быть полным эквивалентом того, что говорится на исходном языке. Переводчику приходится прилагать немало усилий, чтобы в условиях устного последовательного перевода, во-первых, как можно точнее передать текст оригинала, а во-вторых, вызвать адекватную реакцию. Поэтому далее выполняются *компрессирующие* упражнения, направленные на смысловое свертывание информации без

ущерба выполнению переводческой задачи. Данные упражнения ориентированы на сокращение слоговой величины высказывания путем синонимической или близкой к ней замены, а также опущение фрагментов речи, которые дублируют смысловое содержание и информацию предшествующих фрагментов или являются избыточными с точки зрения выполнения задач коммуникации:

«Faites le résumé de cet extrait en conservant la composante nationale et culturelle du lexique spécifique (intraduisible) qui y est utilisé. (Передайте кратко содержание услышанного, сохранив при этом национально-культурный компонент значения содержащейся в нем безэквивалентной лексики.);

Faites le résumé de l'enregistrement, en recourrant au procédé de compression discursive. Faites preuve de prudence en laissant de côté une partie de l'information considérée comme secondaire. (Сформулируйте услышанное более кратко. Примените прием речевой компрессии, соблюдая осторожность при попытках отбросить часть информации как второстепенную.)»

На этапе семантического и грамматического перекодирования выполняются *репродуктивно-трансформационные* упражнения, имеющие конечной целью формирование навыков выбора оптимального способа перевода в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения.

На этом этапе будущий переводчик осуществляет:

- выведение (поиск) идентичного смысла в родном и соизучаемых языках;
- выявление языковых и экстралингвистических факторов, которые делают возможным отождествление содержания сообщений, включающих реалии различных типов, на разных языках;
- выбор адекватного значения в иностранном языке; сопоставление и идентификацию значений;
- отбор языковых средств в языке перевода для передачи реалии;
- анализ отрезков речи в родном языке и языке перевода;
- определение окончательного варианта перевода.

К *репродуктивно-трансформационным* упражнениям нами отнесены перекодировочные и корректирующие упражнения. *Перекодировочные* упражнения предназначены для тренировки механизма переключения с одного языка на другой в процессе осуществления устного последовательного перевода. В психологии перевода отмечается, что самым сложным психолингвистическим механизмом устного перевода является переход с одного языкового кода на другой, поскольку процесс перевода включает переключение с языка оригинала на внутренний код (иначе говоря, преобразование переработанного содержания исходного

высказывания во внутреннюю программу) и переключение с внутреннего кода на язык перевода, т.е. развертывание этой программы в текст перевода на другом языке.

Приведем примеры перекодировочных упражнений:

«Imaginez un moyen grâce auquel vous pourriez transmettre le sens très spécifique du concept *âme* à votre interlocuteur francophone. Motivez votre choix. (Смоделируйте способ, с помощью которого Вы смогли бы передать уникальность значения концепта ‘душа’ своему франкоязычному собеседнику. Объясните свой выбор.);

Traduisez en utilisant le procédé de concrétisation. Souvenez-vous que la concrétisation peut s'avérer nécessaire en raison des différences de collocations lexicales dans les langues comparées et que le choix correct du composant sémantique abandonné et rajouté dans la traduction exige fréquemment une connaissance de facteurs extralinguistiques. (Переведите, используя прием конкретизации. Помните о том, что конкретизация может оказаться необходимой из-за различий в сочетаемости слов в сопоставляемых языках, а правильный выбор опущенного семантического компонента, добавляемого в переводе, зачастую требует знания экстралингвистических факторов.);

Traduisez en ayant recours à différents types de transformations lexicales (ajouts; omissions; remplacements contextuels: concrétisation, généralisation, traduction antonymique, réinterprétation intégrale). (Переведите, применяя разные виды лексических трансформаций (добавления; опущения; контекстуальные замены: конкретизацию, генерализацию, антонимический перевод, целостное переосмысление)).

Кроме того, прежде чем студент приступит непосредственно к переводу, ему необходимо научиться анализировать и оценивать переводы, выполненные другими. С этой целью выполняются *корректирующие* упражнения. При выполнении данных упражнений важно учитывать характер межязыковой коммуникации, который предполагает множественность вариантов перевода фрагментов текста, включающего безэквивалентную лексику. Существенным представляется умение студента находить оптимальный вариант перевода. В этой связи корректирующие упражнения предполагают умение передавать смысл текста различными способами, соотносить найденные варианты перевода, видеть недостатки разных вариантов перевода и устранять их, умение доказать, что из предложенного ряда приемлемых выбран оптимальный адекватный вариант. При выполнении данных упражнений важна доказательность неприемлемости перевода, базирующаяся на сопоставительно-семантическом, либо контекстологическом, либо лингвокультуроведческом анализе текстов оригинала и перевода. Например:

«Comparez les originaux et les traductions et placez les traductions en ordre décroissant par rapport à leur conformité sémantique et structurelle avec le texte source. Recherchez les transformations opérées par les traducteurs et expliquez-en les procédés: différences des systèmes linguistiques, des normes ou des usages (ou combinaisons de ces facteurs). (Сравните оригиналы и переводы и расположите переводы по степени убывания их семантико-структурного сходства с оригиналом. Найдите предпринятые переводчиками трансформации и определите, чем они обусловлены: расхождением языковых систем, норм или узусов (или комбинациями этих факторов).)

Продуктивные упражнения направлены на выбор адекватного способа/способов трансляции безэквивалентной лексики в речевых ситуациях страноведческого характера. Данные упражнения строятся на основе социально-обусловленных сценариев и учета национально-специфических моделей коммуникативного взаимодействия, принятыми в данной культуре. Культуроведческий аспект этих упражнений предусматривает развитие умений ориентироваться в ценностных категориях соизучаемых культур, когда основой культуроведческой подготовки выступает ценностно-ориентационный смысл явлений культуры. Данные упражнения, моделируя различные речевые ситуации страноведческого характера, способствуют адекватной трансляции социокультурных коннотаций безэквивалентной лексики в устном речевом сообщении на языке перевода.

Продуктивные упражнения характеризуются коммуникативной направленностью и культуроведческой непредвзятостью. Особое внимание обращается при этом на факты культуры и решение задачи по преодолению культурных барьеров, препятствующих взаимопониманию. Таким образом происходит культуроведческое обогащение личности будущего специалиста в области межкультурной коммуникации. Данный вид упражнений мы подразделяем на *интерактивные* и *рефлексивные*.

Интерактивные упражнения моделируют ситуации контакта соизучаемых культур и коммуникативного взаимодействия, направленные на употребление безэквивалентной лексики в ситуациях межкультурного общения. К интерактивной форме учебной деятельности на занятиях по переводу мы относим культуроведчески ориентированную ролевую игру, под которой понимается имитирование ее участниками реальной практической деятельности людей, создающее условия реального общения. Цель ролевой игры состоит в максимальном погружении обучающихся в социокультурный контекст соизучаемой лингвокультуры, что направлено на достижение взаимопонимания в условиях реализации идей диалога культур.

Рефлексивные упражнения, направленные на закрепление и осмысление приобретенных знаний, предполагают сопоставление и интерпретацию фактов культуры, характерных для народа соизучаемого языка. Учебный процесс в таком случае организован в форме обсуждения, уточнения и комментирования безэквивалентной лексики. На данном этапе обучения формируются дискурсивные умения обеспечения смысловой, коммуникативной и структурной целостности на базе построения более сложных функционально-семантических типов текста – рассуждения, дискуссии и полемики.

Например: «Traduisez les énonciations, qui comprennent chacune un mot ou une expression à forte connotation normative et stylistique. L'objectif à atteindre est de leur sélectionner des équivalents ad hoc, tout en conservant la tonalité générale de ces énonciations. Présentez des arguments pouvant étayer votre point de vue. (Переведите высказывания, каждое из которых содержит слово или выражение с возвышенной нормативно-стилистической окраской (коннотацией). Ваша задача заключается в том, чтобы подобрать им соответствующие эквиваленты, сохранив при этом общую тональность высказываний. Приведите аргументы, доказывающие Вашу точку зрения.)

Traduisez l'extrait d'interview en utilisant pour la traduction des équivalences présentant la connotation socio-historique adéquate. Argumentez votre point de vue. (Переведите, используя соответствия с адекватной исторической и социальной коннотацией. Приведите аргументы, доказывающие Вашу точку зрения.)»

Организованные подобным образом продуктивные упражнения позволяют, с одной стороны, сформировать коммуникативные намерения убедить, доказать, описать, представить свою интерпретацию, а с другой – систематизировать приобретенные знания и навыки и осуществлять их перенос в новые ситуации в естественном контексте, целенаправленно использовать новые единицы безэквивалентной лексики для решения коммуникативно-познавательных задач.

Библиографический список / References

Бархударов, 1975 – Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975. [Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda [Language and translation: questions of general and particular theory of translation]. Moscow, 1975.]

Библер, 1989 – Библер В.С. Культура. Диалог культур: опыт определения // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42. [Bibler V.S. Culture. Dialogue of cultures: the experience of defining. *Voprosy filosofii*. 1989. № 6. Pp. 31–42.]

Вайсбурд, 1972 – Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. 1972. № 3. С. 98–100. [Vaisburd M.L. Realia as regional geography element. *Russkiiy azyk za rubezhom*. 1972. № 3. Pp. 98–100.]

Вартанов, 2004 – Вартанов А.В. Обучение межкультурной коммуникации в монокультурной образовательной среде (английский язык, лингвистический университет): Дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2004. [Vartanov A.V. Obuchenie mezhkul'turnoi kommunikatsii v monokul'turnoi obrazovatel'noi srede (angliiskii yazyk, lingvisticheskii universitet) [Training of intercultural communication in a monocultural educational environment (English, Linguistic University)]. PhD dis. Pyatigorsk, 2004.]

Верещагин, Костомаров, 1999 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999. [Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. V poiskakh novykh putei razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya rechapovedencheskikh taktik [In search of new ways of development of linguistic culture: the concept of speech-based tactics]. Moscow, 1999.]

Влахов, Флорин, 1986 – Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986. [Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. Moscow, 1986.]

Гальперин, 1977 – Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 95–101. [Gal'perin P. Ya. Language consciousness and some issues of the relationship between language and thinking. *Voprosy filosofii*. 1977. № 4. Pp. 95–101.]

Ермолович, 1979 – Ермолович В.И. Психологические особенности одновременного выполнения речевых действий: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1979. [Ermolovich V.I. Psikhologicheskie osobennost' i odnovremennogo vypolneniya rechevykh deistvii [Psychological features of simultaneous performance of speech actions]. PhD dis. Moscow, 1979.]

Зимняя, 1989 – Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М., 1989. [Zimnyaya I.A. Psikhologiya obucheniya nerodnomu yazyku [Psychology of non-native language teaching]. Moscow, 1989.]

Злобин, 2000 – Злобин А.Н. Когнитивный анализ перевода // Когнитивная семантика: Материалы II Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике (Тамбов, 11–14 сентября 2000) / Под ред. Н.Н. Болдырева и др. Тамбов, 2000. Ч. 1. С. 148–149. [Zlobin A.N. Cognitive analysis of translation. *Kognitivnaya semantika. Materialy II Mezhdunarodnoi shkoly-seminara po kognitivnoi lingvistike*. N.N. Boldyrev et al. (eds.). Tambov, 2000. Part 1. Pp. 148–149.]

Кацнельсон, 1965 – Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965. [Katsnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie [Word content, meaning and designation]. Moscow, 1965.]

Комиссаров, 1973 – Комиссаров В.Н. Слово о переводе: очерк лингвистического учения о переводе. М., 1973. [Komissarov V.N. Slovo o perevode: ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode [A word about the translation: an essay on the linguistic theory of translation]. Moscow, 1973.]

Кэтфорд, 1978 – Кэтфорд Дж. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст. / Вступ. ст. и общ. ред. В.Н. Комиссарова. М., 1978. С. 91–113. [Catford J. Linguistic theory of translation. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike*. V.N. Komissarov (ed.). 1978. Pp. 91–113.]

Миньяр-Белоручев, 1996 – Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996. [Min'yar-Beloruchev R.K. Teoriya i metody perevoda [Theory and Methods of Translation]. Moscow, 1996.]

Костомаров, 1999 – Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Пространство современного русского дискурса и единицы его описания // Русский язык в центре Европы. 1999. № 1. С. 65–76. [Kostomarov V.G., Burvikova N.D. The space of modern Russian discourse and its description. *Russkii yazyk v tsentre Evropy*. 1999. № 1. Pp. 65–76.]

Ладо, 2003 – Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Язык. Знание. Коммуникация. Культура. Аутентичные материалы для самостоятельной работы / Под ред. А.Е. Михневича. Минск, 2003. С. 160–181. [Lado R. Linguistics over the borders of cultures. *Yazyk. Znanie. Kommunikatsiya. Kul'tura*. Authentic materials for independent work. A.E. Mikhnevich (ed.). Minsk, 2003. Pp. 160–181.]

Макаров, 1998 – Макаров В.В. Francus Ludens в языке культуры // Новые подходы к вопросам теории и практики преподавания французского языка в Республике Беларусь: Материалы Международной научно-методической конференции преподавателей французского языка (Минск, 20–21 марта 1997 г.). Минск, 1998. С. 55–62. [Makarov V.V. Francus Ludens in the language of culture. *Novye podkhody k voprosam teorii i praktiki prepodavaniya frantsuzskogo yazyka v Respublike Belarus'*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei frantsuzskogo yazyka (Minsk, 20–21 marta 1997 g.). Minsk, 1998. Pp. 55–62.]

Маслова, 2001 – Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. [Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Cultural linguistics]. Moscow, 2001.]

Пассов, 1998 – Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк, 1998. [Passev E.I. Kommunikativnoe inoyazychnoe obrazovanie: kontseptsiya razvitiya individualnosti v dialoge kul'tur [Communicative foreign language education: the concept of development of personality in the dialogue of cultures]. Lipetsk, 1998.]

Сысоев, 2001 – Сысоев П.В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. 2001. № 4. С. 12–18. [Sysoev P.V. Language and culture: in search of a new direction in teaching the culture of the country of the studied language. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2001. № 4. Pp. 12–18.]

Тарасов, 2000 – Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры / Отв. ред. М.Б. Ешич. М., 2000. С. 30–45. [Tarasov E.F. Language as a means of transmitting culture. *Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury*. M.B. Eshich (ed.). Moscow, 2000. Pp. 30–45.]

Федоров, 1983 – Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. М., 1983. [Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda: lingvisticheskie problemy [The basis of general theory of translation: linguistic problems]. Moscow, 1983.]

Чернов, 1987 – Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М., 1987. [Chernov G.V. Osnovy sinkhronnogo perevoda [Basics of simultaneous interpretation]. Moscow, 1987.]

Статья поступила в редакцию 7.12.2016

The article was received on 7.12.2016

Тучинский Алексей Викторович – старший преподаватель кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Tuchynski Aleksei V. – Senior Lecturer of Department of Romance Languages of Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: prof.1968@list.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2017.1

Электронная версия журнала:
www.mpgu.rf,
см. раздел «Издание МПГУ»

Сдано в набор 20.03.2017 г.
Подписано в печать 30.03.2017 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.